

никея

Москва
Издательский дом «Никея»
2017

УДК 00-00

ББК 00-00

Г 00

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р16-615-0590*

Гезалов А. С.

Г 00 Соленое детство: Роман. — М.: Никея,
2017. — 000 с.

ISBN

Текст

УДК 00-00

ББК 00-00

ISBN

© Гезалов А. С., 2017

© Издательский дом «Никея», 2017

Содержание

От автора 7

Соленое детство

Предисловие..... 12

Часть I

Отказник..... 17

Дом ребенка..... 23

«Воспы»..... 34

Мой первый детский дом 39

И снова ПАЗик..... 48

Карамельки и побегы 55

Школа 64

По-доброму..... 68

Смена власти 77

Торфяное училище..... 79

Подлодка..... 86

Работы..... 89

Встреча с Кларой Лучко 95

Часть II

Общественник..... 104

Неличная личная жизнь..... 124

Мне часто снится детский дом 135

Несколько интервью

«Какие развлечения, Вася?»..... 147

«Сироте жалость нужна
в последнюю очередь» 157

Анна Бородина, жена Александра Гезалова
Фрагмент статьи «Выжить с тремя
погодками — нереально?» 165

От автора

Надеюсь, кому-то будет интересно прочитать книгу о человеке, выросшем в советском казенном детском доме, некогда попытавшемся что-то поправить в своей жизни, найти свой скромный путь, применение в большом и малом. Обычно читатель в книге ищет скорее себя, нежели того, кто ее написал. И я никогда не думал, что придется однажды начать яростно стучать по клавиатуре, чтобы излить, снова перестрадать прошлое, представить окружающим, чем живет человек с ампутированным детством. Мне, как никому, это сделать невероятно трудно. Каждый раз забираться куда-то под кожу, выдергивать оттуда окровавленный старый дневник, привлекать и увлекать читателя. Своим прошлым и настоящим, а возможно, и будущим.

Я неоднократно читал, о чем жалеют люди, прожив маленькие и большие жизни. Часто им жалко времени, которое они прожили: хотели быть гусарами, а пришлось стать кем-то еще. Кто-то не ответил взаимностью девушке и всю жизнь прожил с другой, кто-то не научился играть на пианино или не выучил английский. Глядя на эти небольшие жизненные поражения, понимаешь, что у тебя этих поражений столько, что можно и не жалеть о них. Потому что жалеть о вещах, которых больше ста, — слишком глупо.

Миром правит драйв, деньги, химия, прочие иллюзии. Людям, как мне кажется, малоинтересно мнение другого человека. И для того, чтобы выжить, я быстро приспособился не создавать иллюзию серьезности, совершая порой дураковатые трюки, чтобы за наклепленной на лоб гуммой и толстым слоем грима освободиться и увидеть тех, кому мешают условности и кому близок дух жизни.

Когда-то я завидовал красивым людям, без злобы и каких-то оценок я считал, что красота — это как божественная метка. Уже гораздо позже я понял, что, напротив, это — чистой воды наказание. Немигающие взгляды, флюиды, неискренность, подыгрывание, а потом — усталость от этого всего. Наверное, поэтому я часто вижу в монастырях красивых лицом монахинь.

Мне Господь сразу дал такое, что помогает и мешает. Корявость письма, полутораметровый рост: все это — в местах, где ценится умение бороться, где не важны внешние данные, а только мысль имеет значение. Особенно ясно ощущаешь свою ненужность, невостребованность в детстве и потом, уже подростком. И, как бы ни хотелось убежать, закрыться, это становится пожизненным крестом, клеймом, которое можно слегка спрятать за волосами или укутать в дорогое пальто.

Сейчас я уже чаще думаю не о себе: со мной все более-менее понятно, а переживаю о тех, кто попадет своими неумелыми колесиками в колею государственного участия. Красивую ухоженную

От автора

сытую государственную колею, которая гарантирует только одно: лаконичное безвольное движение вперед в неясное будущее без возможности заднего хода и дергания влево или вправо.

На днях один журналист спросил меня — что может изменить общество? Может быть, жгучее желание отдельных граждан сойти с этой колеи и двинуться другим путем?

Я попробовал...

Соленое детство

Предисловие

Мне кажется, я всегда мысленно что-то пишу. Или смотрю «фильм» — прокручиваю перед мысленным взором невидимую пленку, на которой события, лица, судьбы разных людей. И есть большое желание достать это изнутри и показать всем. Не потому, что мне хочется кого-то напугать или, пуще того, побравировать, а потому, что это обязательно нужно показать другим, в том числе своим детям.

Я люблю наблюдать за людьми. Вглядываюсь в лица состарившихся людей, тех, кто уже начал ветшать. Смотрю на детей, идущих рядом с родителями. Всмотриваюсь в ночные окна, пытаюсь представить, что там, за шторами... Зачем мне это, почему?.. Не знаю. Люди, лица, отмотка-перемотка. Я — часть этой монохромной пленки, которую иногда удается подкрасить, улучшить, так как память умеет скрывать за пеленой прошлого даже самые мерзкие, дикие события.

Господь подарил мне великую, на мой взгляд, возможность — наблюдательность, которой я иногда благодарен, а иногда от нее тошнит... Но она помогла выжить в тех ситуациях, которые свалились на мою головушку.

Зачем я, уступив своему невнятному желанию, взялся за перо, чтобы рассказать о своем соленом детстве?.. Тоже не знаю.

Вечерами, возвращаясь в свою коммунальную квартиру, нещадно колотил по печатной машинке так, что соседи сверху стучали по трубе.

Тексты летели как стрижи. Когда пишешь о своем, быстро приходят новые навыки. И уже через месяц-полтора я выдал свои воспоминания. Это был огромный текст с разными оценками прошлого, который я таскал с собой в серой папке под названием «Дело».

Я смутно представлял, кто это вообще может читать, кому это нужно. Строчки, татуированные на израненной душе, малоприятны. Веселее читать о снах или о том, кто от кого ушел. Но мое мычание сложилось в столбцы.

Об издании этой писанины я вообще не думал. Мне было важно выговориться, выписаться, выстрадать нечто очень важное, как мне кажется, для меня, а возможно, и для других. Я бродил по городу с рукописями, это выглядело забавно, наверное. Очень похоже на то, как несут куда-то компромат.

Жить с прошлым, которое тебя мытарит, очень сложно. Двигаться вперед с душевными язвами и нерешенными вопросами еще сложнее. Как немного упростить свою жизнь, чем наполнить? Возможно, нужно сесть за стол и описать все, что было, и станет легче. Написал. Не полегчало.

Однажды я набрел на доброй души человека, Ирину Ларионову. Та прочитала все, что я написал, и утром, в слезах, предложила мне издать отрывки в журнале «Север», которым тогда руководил покойный Станислав Панкратов. Мне слабо

верилось, что он возьмет что-то в журнал. Но он взял мои записки в печать.

Уже потом я получал многочисленную почту — кто-то не верил, кто-то ругал, кто-то хвалил. И как я понимаю, это главное, что должна делать литература. Просто быть.

Мне бы очень не хотелось, чтобы при чтении этих строк вам показалось, что я хочу разжалобить кого-то, хочу, чтобы меня кто-нибудь пожалел. Нет. Но хочется, чтобы у кого-то, кто прочитал воспоминания о соленом детстве, дрогнуло сердце. Может, этот кто-то вспомнит о своих детях. Где они, что с ними? Или, встретив ребенка из детского дома, будет готов не только его «жалеть», а захочет искренне этому ребенку помочь. Всего-то надо — поучаствовать в его судьбе. Часто до этого не доходит — «дядина-тетина» конфета уже считается участием. И где та золотая середина? Когда, оказав помощь и содействие сироте, нужно вовремя отойти, дать ему самому шанс и возможность сделать первый самостоятельный шаг в жизни? Он-то чаще всего не понимает, что ваша помощь не может длиться вечно и только он сам может себе помочь...

О себе и товарищах моих, их судьбах я старался писать максимально правдиво, так как считаю, что важно написать именно правду. Может, правда расставит все на свои места, и спустя годы хоть как-то облегчит нынешние сиротские страдания (хотел убрать эту фразу, но это тоже правда).

Детство бывает разное, и зависит оно только от родителей. Только они ответственны за детство своих детей.

Мне не хотелось бы, чтобы эта книга звучала обвинением родителям. Тут, скорее всего, больше подходит «не суди, да не судим будешь». Я сейчас сам родитель, и очень переживаю о том, что с моими детьми будет завтра. Во мне есть некий инстинкт, и он говорит мне, что я должен вложить в них нечто важное. Непонятно, откуда во мне такая ответственность, но я очень боюсь быть плохим отцом. А еще очень боюсь, что не мои дети сейчас, а другие дети через какие-то сто, двести, триста лет окажутся в той же ситуации, что и я. На распутье, брошенные, забытые, ничьи. Одиноко лежащие в сиротской кроватке. Это как «от тюрьмы и сумы» — от детдома не зарекайся...

Но детские дома есть и будут существовать еще очень долго, и надо суметь помочь детям-сиротам обрести себя, понять мироустройство, найти мотивы надежды, веры и любви. Все это как живая вода для их раненых душ. Любите этих и всех детей, и они будут счастливы.

Хочется, чтобы мои записки прочли педагоги, работающие с детьми-сиротами в детских домах. В них просто рассказывается, как все было у меня и моих друзей, лишенных родительской любви, семьи и получивших взамен «системное воспитание». Спустя годы могу назвать детский дом одним этим словом — «система». Может, кому-то из педагогов мои воспоминания помогут понять

Предисловие

эту систему, разобраться в хитросплетениях взаимоотношений всех участников «процесса».

Из-за своей изолированности от общества детские дома отстают от быстро меняющегося внешнего мира. Маневрировать во времени сиротам значительно сложнее, чем детям «домашним». Суметь оценить старания и желание детей жить максимально счастливо, как это только возможно в детском доме, содействовать им в этом и помогать в дальнейшем — это так важно! Любые дети хотят радости и тепла. Надо постараться помочь им обрести это тепло. Не то тепло, что мы сами себе представляем — воздушные шарики, игры и подарки, а тепло слов, участие внимательным взглядом — без него детство превращается в колесо, по которому бегают очумевшая от закрытости белка. Так понятно, как кажется, — дать от души, дать от сердца. Но почему-то люди несут лишь приношения, не понимая, что очередная ночь ребенка будет такой же, как и ночь прошедшая — в одиночестве. Это детдомовское одиночество (не то, о котором поет Дольский — прекрасное, трепетное и очень важное), а одиночество брошенного, покинутого человека. И покинутый когда-то научается кидать сам.

Часть I

Отказник

***

Третьего декабря одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года я появился на свет в Рязанской губернии, неподалеку от тех мест, где родился Сергей Есенин. Эти места я посетил недавно. Это был реальный крик души.

Все мои многочисленные дети, рождаясь, орали. Они орали, когда акушерка брала их в свои крепкие руки и начинала пошлепывать по спине, пытаясь сбить синеву от асфиксии, и когда происходил достаточно бесцеремонный осмотр всех частей тела, с перекручиванием и засовыванием в нос трубки. Возможно, не орут только дети богатых, потому что там все происходит иначе, за большие деньги и весьма нежно...

Моя жена клала наших детей на грудь. А я даже не знаю — приложила ли моя мать меня к груди?

Мои дети орали все. Я же родился, чтобы сначала заорать, а потом уже много лет молчать.

Моя мать, видимо, устав от моего крика, сдала меня государству (точнее, толстой щекастой рязанской женщине), написав отказ. Отказ она

подкрепила своей подписью, и ей выдали за меня подъемные — целых тридцать рублей. Не знаю, как тогда, но сейчас это совсем смешная сумма. Вот такие смешные деньги я стоил.

Кажется, что помню себя только что родившимся, понимающим, что меня оставляют в роддоме. Я спрашиваю глазами: как мои дела? Что-то белое, которому неловко смотреть мне в глаза, причитает: «Мама придет, мама придет...»

Эта странная фраза врезалась в меня, как торпеда в паролод. Куда и зачем уходить от меня моей маме? «Белое» уже знает, что мать не придет. Знаю и я.

Почему мама от меня отказалась, не могу знать, она залезла в танк молчания и не говорит, отчего захотела меня сдать и куда потратила тридцать целковых. Я думаю, это было вкусное мороженое на палочке или пиво «Жигулевское»... Факт остается до сих пор неясным, да, в общем-то, уже и не таким важным, потому что серебра на моей голове сейчас больше, чем на маминой — она до сих пор рыжая симпатичная женщина. А у меня уже несколько своих детей, и я надеюсь совсем скоро стать дедушкой.

***

Мне кажется, я очень хорошо помню тех тетенок, которые принимали мое уже государственное тело на свое попечение. Они осматривали меня и причитали, что мама вышла погулять. Потом, пройдя разные казенные учреждения тогдашнего СССР, я понял — эта система часто так делает: не

говорит правду, потому что — что толку ее говорить, да и как говорить? Чего ты орешь, мы дали твоей маме денег, теперь ты наш, *ich liebe dich*¹...

Как ни странно, я помню роддом, в котором родился. Это было старое двухэтажное здание с грязными окнами, облупившейся краской на стенах, обычное для тех времен в районных поселениях. После войны прошло двадцать лет, и не все еще успели сделать так, чтобы рождение ребенка происходило в несколько иных местах. Это был барак-роддом.

Деваться мне было некуда, меня укутали в клетчатое зеленое застиранное одеяло и оставили до места определения. Но я продолжал орать, потому что не понимал, почему мне так туго. В общем, навел я шороху своим недетским криком. Говорят, что в роддоме дети, от которых отказываются, чувствуют, что их оставляют, поэтому орет некоторое время, пока дети не привыкнут и не поймут, что точно никому не нужны, а краснолицая рязанская женщина перекроет переднюю стенку кровати, чтобы ребенок не видел никаких передвижений проходящих.

***

Это гуманно — не давать ребенку шанса вдруг увидеть в проходящем силуэте человека, похожего на мать (учитывая, что мужиков в таких местах не водится). Узнать, кто мой отец, нет шансов вообще — я его не знаю до сих пор. Впрочем,

---

¹ Я люблю тебя (нем.).

как и тетушек и бабушек, и по линии матери, и по линии отца. Жизнь без линий.

Со временем я с ужасом понял, что, возможно, и это отчасти гуманно по отношению к брошенному ребенку, потому что у нас бытует мнение — раз мать бросила, значит, что-то в этом есть. Ей виднее причина — либо у ребенка что-то не то со здоровьем, либо с лицом, либо «некачественный». Поэтому никаких общественных воздействий, а тем более родственников, быть тогда не могло, мало того — за отказ давали деньги. Сдача ребенка не порицалась, так как государство создало такой конвейер, на котором ты будешь ехать, охваченный заботой и вниманием. Но только ближайшие восемнадцать лет. А потом — прости, живи как знаешь.

Детский дом — соломинка для тех, кто уже утонул.

***

Уже при выпуске из детского дома я, ковыряясь в «отпускных» документах, встретил мятые строки корявой записки: «Отказываюсь от сына, потому что не могу...» Жалею, что бросил на ветер этот желтый бумажный листок, как когда-то был брошен сам. Видимо, гены — все бросать... И бросал. Не просто бросал, а кидал как можно сильнее, потому что понимал, что имею такой опыт, который трудно изжить с годами.

Толстая папка с моим личным делом была насыщена моей жизнью. Вот справка, что я болел,

вот справка, что я здоров, вот справка, что я что-то украл, характеристики ежегодные, отчеты, грамоты. И ни одной фотографии. Я досконально просмотрел все это свое «дело» и выбросил его в первую попавшуюся урну. Не потому, что хотелось скрыть свое прошлое, а потому, что очень уж гадка была «нутрянка» этой папки, где я предстал каким-то недалеким и вороватым, с рекомендациями быть отправленным в спецшколу или тюрьму. Не жалею об этом. Потому что в этой папке был не я.

***

Признаюсь честно, при рождении я был отчасти некачественным. У меня были искривлены ноги, которые выпрямились только к выпуску из детского дома. Мне сильно повезло, что это произошло, потому что в жизни нельзя быть ущемленным, иначе тебя, как в Спарте, сбросят со скалы. В социальной стране нельзя быть хуже других, это сразу приговаривает тебя постоянно быть последним.

Я очень сильно косолапил, и это причиняло мне массу неудобств, потому что, как известно, «семеро одного не ждут». И меня никогда не ждали, я плелся всегда последним, ковыляя и перебирая своими непослушными ногами. Может, маме показалось, что у меня ДЦП или еще чего, и она решила не брать меня с собой? Потом так же она оставила в роддомах еще двух моих братьев, о существовании которых я узнал спустя несколько лет. Возможно, и у них тоже что-то было

с ногами. Это не суть важно — кривые ноги и даже руки, главное, ты не нужен весь, целиком. Ты брошенный. Кстати, уже в детском доме мне сломали руки, видимо, для полной картины: кривые ноги и сломанные руки. Не зря тебя, Санек, сдали.

***

Мать забрала свои вещи и ушла, как я теперь понимаю — до своего гроба, потому что никогда уже мы не будем с ней жить вместе. Никогда. Теперь я знаю, что мы разошлись навсегда. Она «подарила» мне такой жизненный путь, за который мне сложно сказать ей спасибо. То, что мне пришлось пережить потом, не пожелаю никому.

В роддоме, как правило, новорожденные дети живут недолго, функция роддома — принять «тело», а затем брошенных детей передают в новое сиротское учреждение, по этапу, с собой у тебя только медкнижка и та одежда, которую дали в дорогу. Опять же я не знаю, какого числа и месяца, на сколько недель меня перевезли в дом малютки. Сейчас таких учреждений нет, потому что за новорожденными идет охота, многие хотят их усыновить, а тогда случаи усыновлений были единичными. В доме малютки мне предстояло пробыть некоторое время, ожидая своего перевода в дом ребенка. Не помню даже, где это было, нет ни памяти, ни документов. Одно знаю: в доме малютки уже никто не орал. Там всякая надежда, что тебя заберут, исчезала навсегда.

***

Постоянно прошу свою мать сообщить место, где они когда-то жили с отцом, чтобы найти и его. Хочу найти его не для себя даже, а для своих детей, которые иной раз спросят: «А где наши дедушка и бабушка?» Я потупляю глаза, потому что мне нечего им ответить. Потому что этот вопрос как нож вонзается в меня. Пока отца найти не удалось. Может, в том числе потому, что я боюсь разочарования: вот приеду, привезу детей, а там...

Дом ребенка

***

Память моя прорывается где-то лет с четырех, когда меня перевезли в дом ребенка. Куда бы нас ни переводили, везде стригли налысо. Потом тащили под холодный душ, и мы поворачивались спиной, чтобы защититься от холодной воды. Меняли одежду, причем часто выдавали гораздо хуже той, что была на нас при приезде. Все стиралось в общем стиральном барабане, и мы носили то, что досталось. Помню, в одном пионерском лагере я купил за карты красивую рубашку у «домашних» детей и спрятал, чтобы носить потом в детдоме. Она была такая яркая, почти цыганская. Я держал ее при себе, не сдавал в барабан, понимая, что после барабана она ко мне вряд ли вернется. Но кто-то спер ее у меня и без барабана, просто вытащил из матраса, куда я прятал свои вещи. Больше шанса иметь такую рубашку у меня

не было никогда. После этого я ничего не хранил в детдоме — либо закапывал где-то рядом, либо просто продавал за карты.

***

В каждом новом детском учреждении всех и всегда почему-то интересовала моя фамилия. Меня спрашивали, знаю ли я азербайджанский. Это было нелепо, я и русского-то толком еще не знал. Но спрашивали, не задумываясь. Порой просто из праздного любопытства. Так заглядывают иногда в аквариум, чтобы спросить, как зовут рыбку. Но я же не рыбка. Одно время я даже хотел сменить свою фамилию на фамилию Колокольцев, например...

Сейчас все мои дети носят фамилию Гезалов. Это порой кажется забавным и никак не укладывается в моей голове: что я наделал, создал еще каких-то Гезаловых!.. Но теперь мне моя фамилия нравится гораздо больше, потому что у меня есть Груша Гезалова, Тихон Гезалов, Александра Гезалова. Зачем нам Колокольцев?

***

Поискав в наших головах насекомых и поставив диагноз «педикулез», меня и сотоварищей отправили в Гусь-Хрустальный, красивый старинный русский город, город подпольного хрусталя.

Дом ребенка всегда красят в зеленый цвет — будто издеваясь и намекая, что тут всегда будет подкрашенное «лето». Помню, что стояла жуткая вонища, а мы измазывали в краске свои куртки.

Эту покраску делали, чтобы не заниматься детьми. Да и какая разница — есть дети, нет детей, покрасил забор, а дети сами об него покрасятся. Зеленые заборы, зеленые игровые домики, зеленые беседки. Кстати, когда я построил свой первый дом, я, как это ни смешно, покрасил его в этот долбаный зеленый цвет. Видимо, все-таки озеленился.

Дом ребенка, куда меня привезли, был обнесен огромным забором. Единственным местом, откуда можно было увидеть другой мир, была входная калитка. Она манила своим просветом. Каждый раз, натыкаясь на стены, глаза искали просвет. И он был — калитка, которая всегда была закрыта на большой замок. Нередко мы собирались около этой калитки «вдохнуть» другой жизни, а добрые люди, проходящие мимо, пихали в наши карманы — кто семечки, кто конфеты, кто соленые огурцы. Больше всех перепало мне, — видно, «красиво» делал глаза.

Наши карманы осматривали воспитательницы и все отбирали. Но стоять у ворот не запрещали, видимо, это было выгодно. Потом, поняв, что подношения можно легко потерять, мы старались сразу съесть все. Сейчас, приезжая в детские дома, вижу, как дети едят первое вперемешку с фруктами, конфеты вперемешку со вторым... Иногда за собой замечаю: сколько мне ни положи — все съем. Ибо оборвана причинно-следственная связь — ем не потому, что хочется или надо, а потому что — а куда это девать, если останется?

***

Внутренность дома ребенка помню плохо. Но очень хорошо помню спальню, беседку и небольшой синий облупленный фонтан посреди прогулочного дворика. И еще — просто огромное небо, которое нависало над огороженной территорией, и большие деревья.

Так как с территории дома ребенка сбежать было нельзя, мы разбредались по всей площади возможного выгула. Я отходил в дальнюю часть и там начинал искать букашек, следить, как и куда ползет гусеница... Если нас надо было собрать, откуда-то издали раздавался зычный крик: «Дети, все сюда!» — и мы брели к беседке, где на лавке восседала воспитательница. Потом шли на обед и тихий час, который не любили, потому что хотелось еще побегать и поиграть.

Один день был похож на другой: подъем, обтирание сырой варежкой перед открытым окном, прыжки на холодном полу. Все вокруг было крайне убогим. Может, время было такое? Старая мебель, старая одежда, старые, громоздкие послевоенные игрушки, которых было немного, но они были очень большие... Мы никогда не играли в войну или дочки-матери, а получали каждый какую-то свою игрушку и тупо сидели возле нее. Потом обменивались. Помню большой железный грузовик — однажды кто-то меня им ударил, я ударил в ответ деревянным конем. Потом долго стояли на пшене, «прорастали».

Еще, помню, я мог часами возиться с юлой, глядя, как она крутит своими бедрами влево-вправо.

Юла была свободной, способной красиво двигаться. Из-за нее, кстати, часто происходили драки.

Так как личных вещей не было, я старался отломить от какой-нибудь игрушки деталь. Это делали все дети, и на игрушках не осталось ни зеркал, ни рулей, ни колес. Все складывалось по кармашкам. Потом это богатство я прятал под подушкой и перебирал поздней ночью, как ценное приобретение. За это воспитатели называли меня крохобором. Я думал, потому что я кроха.

Вообще прозвища мне доставалось очень часто. В запасе воспитателей обычно было этакое словечко, которым им хотелось припечатать меня. Как обзывали, уже не помню, но иногда прозвища были очень обидные.

А обидней всего было тогда, когда в качестве воспитательного процесса на тебя не обращали внимания. Но я был «опытный сирота», я сам не обращал на это внимания.

***

Практически во всех детдомах, где я был, команда отдается с примерно одинаковым оттенком: «Мхым...», или коротко взбадривающим словом «Так!». Все дети называются «ТАК». «Таки» удобны для управления. В этих словах угадывается указание — или еще быстрее, или еще медленнее. В основном всегда быстрее.

Я бы назвал систему воспитания немногословной. Все управляется «воспой», «воспиткой», «гримзой». Можно было весь день не разговаривать, но знать, как кто к тебе относится.

Уже потом я понял, что большинство воспитателей общаются с детьми с помощью оценочной мимики, не всегда понятной посторонним людям. Именно в этой мимике скрывается или одобрение, или осуждение. Недавно американцы спросили меня, что такое жестокое обращение. Я не стал даже объяснять, потому что им этого не понять. Когда на тебя смотрят с пренебрежением, слегка открыв рот, задрав верхнюю губу, ты понимаешь — у тебя проблемы. В системе очень важно добиться понимания детьми этих коротких, как штыковая атака, команд. И тогда управляемость детьми колоссальная. Они потом всю жизнь ищут такого же упрощенного общения, не находят его — и живут в режиме глухонемых. Это такая норма — нужен командир и кажется, что без него пропадешь.

***

Вечером в «саду» стоял ор. Орала все дети. Это на работу вышла нянечка Галя. Не помню ни ее лица, ни возраста — все как-то стерлось из памяти. Помню часы «Заря» на металлическом браслете. Зло запоминается плохо, спасибо памяти за это. Галя была сильная, крепкая, все время нервно поправлявшая спадавшие на глаза волосы. То одной рукой, то двумя, как будто что-то мешало ей прицелиться. Она надевала свой ритуальный халат, ставила посередине палаты ведро, в которое практически никто никогда не писал, предпочитая написать в кровать, а для снижения трудозатрат она доставала спрятанную

«приспособу» — резиновую лопатку. Все понимали, что нужно сделать, — и застывали, как мухи в янтаре.

Самое жуткое время моей тогдашней жизни была именно ночь. Потому что мы знали, что придет ночная нянечка в синем и будет бить нас резиновой лопаткой. Очень больно. Лопатка была такая жесткая — тогда не делали мягких, жаль...

Даже если ты ничего не делаешь худого, не прыгаешь и не скачешь, она все равно отмутузит тебя этой самой зеленой лопаткой. Мы покорно откидывали одеяла, а головы прятали под подушки. Била она нас для профилактики, как бы упреждая нашу непокладистость. Потом уходила на всю ночь в кочегарку к кочегару, и мы оставались одни. У «няни» с кочегаром часто бывали разборки, она запирала дверь, он бегал под окнами, орал что-то непотребное.

В окна лезли всякие черные драконы, шатаясь от ветра, царапались деревья. Так как штор не было, смотреть ночью в окно было весьма жутко.

Многие от страха писались в постель. Проще было, написавшись, лежать в этой луже, чем перед этим сбегать в туалет. Писались многие, но так как мы считались детьми не экстра-класса, полагалось, что для нас это нормально.

Когда няня «кочегарила», впервые мы начали самостоятельно ходить «на горшок». Для этого надо было встать, пойти в туалет, влезть на табурет, достать «подписанный» фруктами или овощами вместо имен горшок и справить в него нужду. Я чаще всего был «арбузом» или «кабачком».

Настоящий «сад-огород», где мы — фруктово-ягодные дети.

Как-то раз, когда я доставал свой «кабачок», все горшки свалились мне на голову и пробили ее. Так на голове появился первый шрам. В дальнейшем их будет немало, но этот был первый, починный. Испугавшись, я лег в кровать, а кровь все текла...

«Няньку» уволили (тогда за это не судили), но тут же взяли на работу в другое учреждение. Какой директор честно напишет о своем недосмотре?

А к нам пришла другая «нянька», с другими методами борьбы. Она включала свет среди ночи, грозно вопрошая, кто хочет писать... Теперь сплю чутко. Жду, когда позовут.

Эта нянечка проработала довольно долго, ее потом тоже уволили, и она тоже довольно быстро устроилась на работу в другое детское учреждение. Это частое явление, когда рядом с детьми работают люди из общественной песочницы со своими граблями. Почему нет отбора, почему нет наказания за насильственные деяния, мне до сих пор непонятно. Видимо, потому что нет никакого отбора, никакого отсева — кто пришел, тот и сгодился. Иногда это бывают явные садисты, даже бывшие преступники, или люди, у которых нет своей жизни, и им нужна чужая жизнь и судьба. Да и кто пойдет за такие деньги «дубасить лопаткой»? Не знаю, чем эти люди живут потом — воспоминанием ли, что кому-то досаждали? Но возможно, это была их самореализация в самые

лучшие времена жизни. «Битие» определяет сознание. Таких людей, конечно, немного. Но достаточно одной лопатке взвиться вверх, как ад приближается максимально близко.

***

Утром нас никто не спрашивал, как мы спали, потому что это не так важно. Завтрак состоял из куска белого хлеба и молока или сухой запеканки. Изысков я не помню. На обед давали суп и макароны или картошку. И довольно часто кисель. Этакое кисельное детство.

Сейчас сиротам везут шипучие напитки, пряники, печенье, сгущенку и все такое, как бы общая — это последняя пиррова победа в вашей жизни, маленькие детки. В мое же время все довольствовались малым.

Съедали все до крошки. «Воспы» грозились, что если кто не доест — не увидит «чебурашку». Приходилось подчиняться. А куда денешься с подводной лодки? Иногда даже и сейчас ловлю себя на том, что ем, как собака у будки: глотаю быстро, давлюсь кусками. Не умею есть. Зато я всеяден. Так легко потом детдомовцам на «зоне» — все равно, чем живот набить. Нас словно и готовили для такой жизни...

Мы всегда запасались хлебом: сушили куски на батареях, а ночью грызли, как хомяки. Особым шиком считалось приготовить жареный хлеб. Для этого надо было прижать кусок раскаленным утюгом. Конечно, было чем поживиться крысам: все батареи, все углы в палатах были забиты сухим

хлебом. Уборщиц не было, мы убирали весь детский дом сами. Столы накрывали тоже сами, потому что это было элементом воспитания — кто работает, тот ест.

Бывало так, что, разливая по стаканам кисель, я нередко ронял чайник, так как он был очень тяжелый. Меня за это ставили на горох или пшено коленками.

У нас тогда жили два попугая, и воспитательницы, чтобы поставить нас на пшено, брали его у этих попугаев. В углу надо было простоять пару часов, для профилактики и дальнейшего хорошего поведения. На коленках потом еще долго отражались вмятины. Иногда ставили на горох — по двое, чаще девочка-мальчик, чтобы вести воспитательную работу и в девчачьей среде. Мы терпели все это и ненавидели попугаев, которые сидели в своей клетке и смотрели на тех, кто стоит на их еде. Возможно, они были недовольны, но так как для них каждый день выделялся определенный паек, они не голодали.

Как-то одна из воспитательниц совершила большую глупость, вытащив клетку с попугаями на улицу. Как только мы увидели клетку на земле, мы бросились пинать ее ногами, да так, что дверца открылась и попугаи улетели. Покупать новых не стали, и постановка на пшено прекратилась. Это была наша маленькая неосознанная победа. Понятно, что попугаи не виноваты. Но у них брали пшено, на котором стояли мы. Значит, они соучастники.

***

Одевали нас плохо, мы донашивали одежду старших, носили застиранные вещи, но это не считалось зазорным. Или это делалось специально, или потому что одежды не хватало, но зрелище было довольно неприятное. Мы не обращали внимания на эти детали, так как не с чем было сравнить, но наша кастелянша Людмила Ивановна часто плакала, ей было стыдно перед горожанами, что мы такие оборванцы. Она перешивала, штопала нашу одежду, надставляла рукава. Хотя считалось, что младшим хорошая одежда не нужна — все равно порвут, потому что много работают. Да и зачем малышам красиво одеваться?

Мы все носили одинаковые вельветовые куртки сороковых годов и клетчатые пальто. В карманах моего довольно громоздкого пальто всегда лежала куча найденных на улицах предметов. Стекла, гвозди и прочее — за них я был готов даже кусаться. Личных вещей не было никогда, а значит, все, что находили на улице, и было этими личными вещами. С одной стороны, это учило неприхотливости, с другой — давало ограничения, которые со временем так и не удалось истребить. Сейчас у меня много одежды, половину из которой я не ношу.

У всех на руках были личные номера, как в концлагере. Мой номер — 61. Я и сейчас вздрагиваю, когда слышу эту цифру.

Когда нужно было постирать одежду, ее просто с нас снимали, а переодеться было не во что, ходили в чем придется. Слово «свитер» я узнал

«Воспы»

после 25 лет. А ведь на улице порой было 30 градусов ниже жизни...

Вообще с одеждой мои отношения никогда не ладились, как и у многих. Что дали, то и носишь. Как выглядишь, не увидишь, да и не надо. В детдомах мало зеркал. Нет оценки собственной внешности. Нет понимания, симпатичный ты или не симпатичный. А что значит «симпатичный», как это использовать, для чего? Скучность одежды — это как признак некой аскетичности, но как потом научиться подбирать гардероб, что надеть к какому событию, к какому дню — непонятно. То ли все время ходить в спортивках, ожидая, с кем бы пособачиться, то ли носить одни брюки, пока не сотрутса коленки.

Все это сильно повлияло на меня. Могу носить одну и ту же рубашку три месяца, не задумываясь. О носках вообще нет речи — сполоснул-надел, сполоснул-надел, до следующей партии.

«Воспы»

***

Воспитатели в детских учреждениях — самый главный предмет для изучения. Каждый раз, попадая в новые детские дома, я знал: главная задача — очень хорошо понять и раскусить сущность того, кто тобой рулит. Найти к нему ключ и подход, так как ему нет дела до каждого из нас, ведь нас много, а он один. Поэтому процесс

распознавания того, кто является твоей «мамой», очень важный и судьбоносный. Если ты промахнешься с оценкой, весьма сложно будет потом отстроить отношения и получать ресурсы. Первое время мне это удавалось весьма плохо. Я сразу начинал показывать себя во всей красе, за что стоял в углах или получал затрещины.

Но потом я научился ладить с «воспами». Приспособившись к их требованиям и внутренним проблемам, ты находишь верный ключ к тому, чтобы не быть под огнем. Четкая оценка возможностей воспитательницы, способность не реагировать или, наоборот, реагировать на провокации — все это и есть багаж знаний, позволяющий выживать в любой системе.

Воспитатели частенько собирались в беседке, курили «Беломор» и говорили о том о сем. Я, притаившись поблизости, подслушивал, за что мне иногда доставалось. А мне было интересно, о чем говорят взрослые тети, у которых столько личных проблем на работе и дома. Чтобы меня не поймали в очередной раз, я заползал под беседку и, лежа на земле, подложив под голову руки, слушал «кино-радио».

О чем они только не говорили: о зарплате, о кухне, о директоре... И обо всем смачно, грязно, порой с ненавистью. Но больше всего доставалось мужьям. «Он такой-сякой, убила бы», — говорила одна, а другая вторила: «И я бы своего убила». Я не знал, кто такие мужья, мне думалось, это собаки или еще какие-то животные. Особенно помню одну «воспу» в кожаном пальто, всегда

с беломориной в черных зубях. Нас она называла товарищами, а воспитательниц — дорогими товарищами. Она не очень-то следила за нами. Бывало, стоит со своей папиросой и смотрит куда-то вдаль. А мы копошимся где ни попадя. Однажды я даже свалился в воду фонтана, потянувшись за желтым осенним листком.

***

Странно, но ничего хорошего почти не помню. Хотя был случай. Одна повариха стала брать меня домой — вместе с продуктами. Может, из жалости. Как-то раз я съел у нее все конфеты в буфете. Было смешно, что она, взрослая тетя, говорила со мной, как с новорожденным. Видно, у нее не было детей, хотелось «посюсюкать», а я залез в буфет, и конфетам — привет... В общем, развеял ее мечты по поводу материнства. Она обматерила меня и вернула в детский дом. И больше домой к себе не брала. Мне же было все равно: я наелся конфет надолго, еще и товарищам принес...

В детском доме практически все «воспы» имели клички — маленькая месть детей. Детдомовцы безошибочно выбирали «кликухи» и между собой называли воспитателей только так, отклонение от «нормы» жестоко каралось. Причем право дать «кликуху» имели только старшие, которые потом через средних передавали нам ее как директиву. Вообще обзывки зависели от степени неприязни детей.

Например, директора детского дома называли ГФ, по первым буквам имени и отчества — Галина

Федоровна, но потом из-за ее любви к строю и собраниям переименовали в Галифе. У самой крупной воспитательницы была кличка Курица, у самой маленькой и старой — Капа. И так далее. Выбор чаще всего падал на животных, других обзывают мы не знали.

Но был случай, когда за одной воспитательницей не закрепилась ни одна из кличек старших. Это была Людмила Васильевна Касатова, истинно добрый и светлый человек. Она не имела своих детей и, как мы потом узнали, болела раком легких.

***

Мы часто провоцировали «восп» на поступки, за которыми следовали определенные реакции, выявлялись слабые и сильные стороны характера. Если «воспа» выдержит пресс и поведет себя достойно, значит, все будет в ажуре — нормальное получит прозвище. А на нет и суда нет, пожалуй, что заслужил. Вот почему желательно, чтобы с детьми-сиротами работали бывшие воспитанники «системного» воспитания. Им легче разобраться во внутренней «политике», в иерархии детского дома. Дети-сироты очень часто используют неискушенных людей в своих интригах и «программах».

Среди ребят в группе я считался физически некрепким, но способным постоять за себя любыми способами. Если меня ударили ногой или чем-то еще, я всегда находил момент, чтобы отомстить. Прищемить дверь при проходе на

прогулку, ударить железной машинкой или пнуть на лестнице. Поэтому меня боялись — я не прощал обиды. Это хороший козырь выживания, когда у тебя нет физической силы, но есть умение в нужный момент сделать то, что задумал, чтобы потом никто не захотел связываться с таким психом. Кстати, некоторые хорошо играли эту роль, чтобы выжить, так как им было очень трудно, если они приходили в учреждение не с рождения и не знали правил. Им приходилось просто жутко истерить, чтобы создать образ трудного ребенка. От такого чаще всего отставали, ведь есть более покладистые.

Воспитатели меня не любили, я отвечал им тем же. Понимая, что быть котенком в их руках уже не получится, я лез на рожон. Хотя у них всегда были любимчики, которых в группе недолюбливали, но в открытую не доставали.

Они получали чаще всего ближе к ночи.

***

Обзывки воспитательниц — некая защита от их грубостей и оскорблений. Ведь не обязательно быть сильным человеком, чтобы схватить за волосы и сделать больно. Но самая жесть — когда тебя хватают за шиворот и начинают трясти. Вроде и не больно, но невероятно обидно, ведь это видят и другие дети, и ты падаешь в цене. Так я научился кусаться. Укусишь какую-нибудь гримзу, и она потом подумает, трясти ли тебя в следующий раз. Тебя, конечно, закروют за это в лазарете или палате, но уже в другой раз не будут унижать.

В таких системах главное, как ни странно, — зубы. Ты говоришь сквозь них, живешь сквозь них. Довольно часто дети в детдомах кусают и своих, и чужих. Потому что больше защитится нечем. Укусил, а потом смотришь, как на это смотрят другие. Этакое кусачее детство.

Мой первый детский дом

***

Мое детство в доме ребенка закончилось так же, как и началось, — быстро. Меня посадили в старый ПАЗик и повезли в мой первый детский дом. Тогда было принято, чтобы вместе с тобой ехала твоя школьная форма и ранец. Все одинаковое: и ранец, и все, что в нем. На ранце были одинаковые кошки и собачки, цвет чаще всего синий. Никакой зависти, что у кого-то красивей. А при одинаковости не появляется ни ревности, ни зависти, ни даже злобы.

Когда нас выгружали и сдавали «по списку», все воспитанники-старожилы почему-то смотрели не на нас, а на новенькие ранцы и форму. Потом я понял, что частная собственность в детском доме будет отсутствовать всегда. Все общее — значит, не твое. Это со временем приносит страшный вред в имущественных отношениях — не жалеть ничего, отдавать все, этакое безграмотное «широкодушие».

Старшие девочки быстро отобрали у нас ранцы, одежду и выдали их «дочкам» и «сынкам» — тем, кого они патронировали и таскали везде за собой, как кукол. А нам отдали их старую одежду, заявив своим «детям», что купили все новое в магазине. Так они играли во взрослость. Взрослые проблемы решались легко: отними у чужого и отдай своему — и все дела. «Куклы» радовались. В дальнейшем эта тема «свой-чужие» всегда присутствовала. Младшие делились на тех, кого опекали, и тех, на кого не обращали внимания. Это псевдоматеринство не имело ничего общего с настоящим материнством, хотя многим так не казалось. Потом, повзрослев, наши «мамочки» рожали, но обеспечить своих настоящих детей всем необходимым они не могли и не умели. Результат: их дети опять в детском доме. Детдомовские родители точно знают, что государство всегда накормит и оденет их детей.

Мне не посчастливилось попасть в число «обаяшек» — не вышел ни ростом, ни мордашкой и, самое главное, не был похож ни на одну из старших девочек, значит, не «сынок». Это тщательно отслеживалось, и при малейшей схожести у тебя появлялись «маман» или «папан».

***

Помню, как я радовался, что еду в новое место жизни — до того осточертело пребывание в доме ребенка. И мне наивно казалось, что старый ПАЗик перевезет меня в нечто новое, светлое и красивое. Но, как потом оказалось, дом ребенка был

наименее жестоким из всех, где мне удалось побывать. Даже стояние на крупе и битье резиновой лопаткой по ночам — все ничто по сравнению с тем, куда увез меня страшный грязный ПАЗик.

***

Тот день я помню очень хорошо. Нас проверили на вшивость, лысых и бритых — тогда из учреждения в учреждение детей передавали с такими «прическами». Это было удобно — вши оставались без хозяина. Помню, одна девочка плакала и кричала при стрижке, умоляя, чтобы ей вернули на место волосы. Старшие, издеваясь, уложили ей состриженные волосы на голову, обещая, что они прирастут. Девочка поверила и какое-то время носила пряди волос на лысом черепе. Все смеялись над ней, а мне, семилетнему, было жаль ее.

Еще хорошо помню, что я несколько дней не ел — настолько сильно я переживал в этом новом месте.

***

Детский дом находился в сельской местности. Это был двухэтажный барак, около которого стояла одна старая грубо сколоченная горка. Рядом небольшой пруд, за ним — свиноферма, где трудились воспитанники. На второй или третий день нас отправили пилить дрова, так как детский дом отапливался кочегаркой. Потом оказалось, что все детские дома, в которых я был, отапливались кочегаркой — дровами и углем. Были работы на свинарнике, на кухне и много где еще.

В школу я пришел с опозданием, но, как ни странно, учился хорошо и прилежно, первое время мне нравилось все — и математика, и литература, и история. Единственное, что не нравилось, — не хотелось после занятий возвращаться в эти бараки, где тебя ждала работа, работа и еще раз работа.

***

В детдоме, как и во всех учреждениях казенного типа, заправляли старшие. Они нигде не работали, занимались самоуправлением — руководили работой на объектах. Еще гоняли младших за бычками к ближайшим ларькам... Как-то старшие собрали всех и сказали, что они решили «снять» телевизор, нужна массовка в магазине. Мы «помассовались» — а куда денешься?

Потом в милиции нашли крайнего из числа средних, посадили на «малолетку».

Если им было нужно вытащить из чужого сарая велосипед, то на это они тоже оправляли младших. Это был круговорот — ведь когда-то они находились в такой же ситуации.

Моей учебе пришел конец, когда в группу пришли старшие и спросили: кто самый умный? Все как бы расступились, а я действительно учился хорошо... Меня стали отправлять то за бычками, то за велосипедом. Я сделал открытие — чем ты умней, тем больше у тебя проблем.

Поэтому я быстро перестал быть умным, стал плохо учиться, прогуливать уроки. Учителя пытались о чем-то говорить с моим воспитателем, но

мне больше не хотелось тащить четвертый велосипед и сто пятый окурок. Это помогло выработать умение скрывать свои способности, чтобы не оказаться на всех передовых фронтах, которые придумывали старшие товарищи.

Однажды кто-то меня сдал, рассказав, что я утащил несколько велосипедов. Пришедший участковый, увидев меня, даже засмеялся. Настолько я был мал, что он не поверил, что я мог угнать взрослый велосипед «Десна».

***

Так как детский дом — это место, где очень сложно от кого-то скрыться, я пропадаю на свинарнике. Пропадаешь там, зато не пропадешь. Сверху над свинарником был сеновал, и там можно было поспать. Очень хорошо, что был этот свинарник, где можно было как-то уединиться, укрыться. А если бы его не было?

Как-то раз я застрял на сеновале, а туда пришли старшие — он и она — «поиграть». Помню их имена и фамилии по сей день. Они мне долго «поминали», как я вылез из-под сена в самый разгар «игры». Хорошо, что она его удержала, он бы, наверное, меня убил.

***

Директора сняли с работы — что-то он там с девочками вытворял. Вызывал их поочередно убирать свой дом, закрывался с ними и «помогал». По-моему, его даже посадили, с конфискацией. Все ходили радостные, как после революции,

полная вакханалия была в детдоме: нет «дира» — все до пира, учебе — привет. Но когда нам дали другого директора, старого все стали вспоминать как «хорошего». Дети-сироты — это такое дело... Продадут, если надо. И не их это вина, жизнь учит искать выгоду в любых ситуациях.

***

Заняться было нечем — добровольцы нас тогда не веселили, и мы периодически попадали в хронику каких-то происшествий. То вагонетку уроним с рельсов, то плющим гвозди под проходящей электричкой, то носимся от быка по всей деревне, то залезем в огород. Местные жители нас за это не любили. Ходить одному было опасно. Я всегда носил в карманах камни и расплющенный под товарняком гвоздик. Особенно помогали камни: как только местный житель подходит к тебе с какими-то намерениями, ты достаешь булыжник, размахиваешь им и безбоязненно огрызаешься в ответ. Но все-таки «домашним» удавалось отлавливать и мутузить нас даже вместе с камнями. Так мы им докучали.

***

3 декабря, в мой день рождения, меня выгнали ночью на улицу, отправили искать 15 копеек. Я не знал, где мне достать эти несчастные копейки, и поэтому сел в сугроб недалеко от детского дома, решил — замерзну к чертовой матери!

Домой с работы шла соседка. Она увидела меня и стала расспрашивать, что это я сижу ночью

на снегу. Она знала, кто я и откуда. Я честно рассказал ей, что у меня день рождения, «подарка» для старших нет. Она дала мне 20 копеек и довела до детского дома. Ух, как я радовался, что избежал экзекуции на этот раз. Утром женщина пришла в детский дом и рассказала директору о ночной встрече. Директор вызвала меня к себе, закрыла кабинет изнутри и избивала меня каблуком. Потом собрали «совет» старших, на котором меня лишили телевизора на месяц. А ночью еще хорошенько отдубасили.

***

Однажды у меня развилось заражение крови, и меня отправили в больницу, в «нулевую» палату. Больница была деревянная. Я целыми днями лежал в кровати, на спинке которой висела какая-то бирочка — с именем, наверное.

Этот период помню фрагментами. Часто приходили врачи. Смотрели на меня, я на них. Они говорили: долго он не протянет. А я думал: что, что я не протяну? Меня носили на табуретке в процедурную. Большим шприцем «тянули» из одной руки странную черную кровь, а в другую руку вливали красную. С тех пор во мне много чужой крови.

Ко мне никто не приходил. Моя прикроватная тумбочка была всегда пуста. Помню момент, когда я понял, что все будет хорошо: проснулся среди ночи, а на моей груди сидит кошка. Я не мог ее погладить, но она стала часто приходить.

Как-то раз я пролил какую-то микстуру — пузырьки и баночки с лекарствами в большом количестве стояли у кровати. Поднялся с постели и, шатаясь, пошел в туалет искать тряпку. Я передвигался, держась за стенку, и сидящие на посту медсестры отметили, что я иду. В туалете я взял тряпку, принес в палату и, обессиленный, рухнул возле кровати. Так и пролежал до утра на тряпке.

А потом наступила весна. Она ворвалась в распахнутые окна больницы птичьим гамом, заново осветив мое существование. Я подходил к окну, упирался лбом в оконную раму, смотрел и слушал весну. Потом меня стали выпускать на улицу. Я сидел на лавочке. Рядом кто-то чирикал, небо было синее, трава зеленая — жизнь продолжалась.

Ко мне стали приходиться больные из других палат с гостинцами, и моя тумбочка больше никогда не бывала пустой. Чужие люди садились на краешек моей кровати и говорили со мной. В больнице я провел около года. А потом меня вернули «на место» — в детский дом.

***

Но не все было плохо в поселковом детском доме, есть что вспомнить и хорошее. Мы со старшими девчонками собирались возле магазина, и они рассказывали о покойниках, которые вставали ночью из могилы и ходили по деревне. Это были целые сериалы, а телевизора у нас не было. Вот девчонки и были телевизором. Наслушаешься на ночь таких гадостей, а утром идти на учебу,

на работу. Я выбирал работу — приходил в сви-
нарник и ложился спать.

***

В том детском доме ко мне впервые отнеслись по-человечески: это была моя первая учительница. Потом такие отношения я видел в кино — «Уроки французского» по рассказу Валентина Распутина. Но в фильме меня смутило, что парня из семьи отправили зачем-то учиться в город, чтобы он там мучился от голода. Понятно, родители хотели, чтобы сын выучился, но когда встает вопрос о жизни и смерти...

Не знаю, догадывалась ли моя учительница, что творилось у нас на самом деле, но она часто приглашала меня к себе домой. Помогала, всячески поддерживала. Она жила в самом поселке, недалеко, в доме за красивым забором. Еще сохранила моя память, что к дому надо было идти через кладбище. Тогда я впервые задал ей вопрос о смерти.

Она мне деликатно отвечала на такие вопросы, объясняла, как могла, но всегда оберегала от того, чтобы я воспринимал смерть как способ решить жизненные вопросы быстро и легко. Она была верующая, православная, в доме висели иконы, но в школе этого не знали.

И с тех пор я как-то перестал бояться смерти, это помогло мне пройти через множество предельных ситуаций и опасностей тогдашней зазубристой жизни.

Она всегда встречала меня у порога, проводила в дом. Я точно не помню, что она говорила, но помню, как вкусно кормила меня. Про синяки не спрашивала. Сидела напротив и, подперев руками подбородок, смотрела, как я ем. Я старался соответствовать.

Осенью ее сад был усеян яблоками, она их не собирала, они ей нравились на деревьях и на земле. А я жадно набивал полные карманы, сколько мог унести, и тащил в детский дом.

Все прекратилось в один день, когда я, по глупости, взял с собой одноклассника. Он, выслуживаясь перед старшими, «сдал» меня. Старшие запретили мне ходить к учительнице. Скорее всего, из зависти. Я бы, наверное, тоже запретил на их месте. Вспоминаю картину. Я ухожу навсегда, оглядываюсь, — она стоит на пороге своего дома, а за домом радуга... Я пятился спиной вперед, чтобы запомнить этот момент навсегда.

***

Потом, непонятно почему, детский дом решили закрыть. Нас построили, объявили о том, что детский дом будет расформирован и нас развезут по разным детдомам. Я особо не боялся, а вот старшие были недовольны. Потому что тут они главные, а как будет в другом детдоме, неизвестно...

***

Директор построила всех, как перед отправкой на фронт, и зачитала, в какой детский дом уезжает каждый из нас. А нам было все равно куда. Душа радовалась: нас ждут какие-то перемены. А зря радовалась. Потом я уже не верил в перемены к лучшему, потому что за время пребывания в детских домах редко видел, чтобы плохое переставало быть плохим. Просто одно плохое сменялось другим.

Уже когда нас посадили в автобус, к нему подошла какая-то бабушка и, назвав мою фамилию, спросила, где я. А ей «честно» сказали, что я в корпусе... Так «воспы» могли бы изменить мою судьбу, но им не хотелось тратить на меня время, разбираться, кто и зачем интересуется мною. Я не знаю, что за бабушка это была, но может... а вдруг?..

Всех свиной погрузили на какую-то машину — они визжали и орали — и повезли на бойню. Я плакал, я многих свинок знал по именам, кормил, катался на них. Позже я уже не плакал даже по погибшим людям...

В общем, свинки уехали на мясокомбинат, а нас очередной старый грязный ПАЗик повез в другой детдом на временное пребывание, до решения, куда отправлять дальше.

***

Этот детский дом был очень похож на тот, в котором я был, нас опять построили, опять постригли налысо, и я несколько месяцев жил так

в ожидании нового перебрроса. Меня никто особо не трогал, учитывая мои камни в карманах. Я не ходил в школу, делал что хотел.

Потом меня снова перевезли в другой детский дом. Как оказалось — тоже временно. Моя судьба еще не была решена. А к концу семьдесят шестого года меня перевезли в детский дом города Суздаля.

***

Очень хорошо помню этот момент — мы заезжаем в город, я через окна пытаюсь понять, где наше здание. Смотрю на незнакомые очертания домов, церквей. Уже под вечер подъехали к трехэтажному особняку. Это и оказался Суздальский детский дом.

Там я попал на «пасс-проверку», иначе говоря — на допрос: кто, откуда, почему? Так встречаются в зоне.

Меня приставили к какому-то великовозрастному «паре» — для его обслуживания. Он сразу отправил меня стирать свои носки, я отказался, в результате у меня под глазом появился лиловый синяк. Мне тут же дали консультацию: если что, я споткнулся и упал...

«Падал» там я часто, как и другие мои одноклассники.

***

Детский дом оказался бывшим монашеским общежитием — конечно же, с кочегаркой. Это было старинное толстостенное здание с трещиной

в районе туалета для девочек (посему зимой все ходили в один). Кое-кто за девчонками, пока не обнаружилось, подглядывал. Правда, потом нашли другой способ подглядывать — с крыши свинарника-конюшни...

При детском доме была своя баня, очень старая. Старшие мальчишки любили ходить мыться вместе со старшими девчонками. Директор, она же ГФ, называла их женихами и невестами и была не против. Но нам с нашими ровесницами ходить в баню не разрешала.

Свиньи тоже были, и лошади, и большие сельскохозяйственные угодья.

Еще помню «черный» пруд, где мы купались всем детским домом. Тогда я впервые увидел утопленника. На обратной дороге в детдом мы оживленно его обсуждали в строю — мы всегда ходили строем, под барабан, с горном.

Сейчас я стараюсь не ходить на похороны, иначе долго потом болею. Хватит, навидался, особенно когда хоронил своих ребят.

Знать бы, что жизнь так хрупка... Но тогда нам казалось, что жизнь — это вечность. Надо только поскорее вырасти, чтобы уехать в другой, лучший детский дом.

Директриса была изворотливая, чем-то похожая на несостоявшуюся актрису, всегда почему-то с красным лицом. В ее кабинете стоял длинный стол, огромный сейф, какие-то книжки о коммунизме, портреты Ленина и Макаренко и буфет.

Она оказалась находчивой дамочкой — находила нам работу, обещала, что нас потом отвезут на экскурсию... Мы с задором собирали камни на картофельных полях, но никуда не ездили.

В детдоме стоял запах еды, тусклого света и дедовщины. Здесь был разношерстный воспитательский коллектив. В целом они относились к нам хорошо, лишь изредка проявляя нотки жестокости. Эта «хорошесть» складывалась из того, что в детдоме была система самоуправления, которую устроила краснорожая директриса. Она собирала старших и, заискивая, давала им инструкции. Детский дом был образцово-показательным по всем критериям, будь то сбор урожая, праздник или спортивные игрища — все реализовывалось на «отлично».

***

Дети-сироты четко делятся на четыре основных типажа, коих я определил так: «зайчики», «лисиčky», «волчата» и «медвежата». В детдомовской среде может быть много «зайчиков», несколько «лисичек» и «волчат» и один-два «медвежонка». Подобное типологическое разделение сирот на группы было сделано мной на основе личного опыта жизни в детском доме и рефлексии — уже в ранге общественного наблюдателя.

«Зайчики». Это дети, явно отстающие по развитию от одноклассников, робкие, молчаливые, трусливые, пасующие перед остальными. Их легко узнать по внешнему виду, выражению глаз, одежде, поведению. В соплях, измазанных

одеждах, часто остриженные «абы как», они находятся на периферии группы, забиваясь, как правило, в углы. На них не обращают внимания, они получают подзатыльники от «своих» и «чужих». Во время раздачи подарков они нерешительно стоят в стороне и подбегают за своей долей последними. У них все отбирают более ловкие, привыкшие к детдомовской жизни ребята. Из-за отсутствия навыков борьбы за свои права и будущее такие дети дольше других выпускников не попадают в жизненные переплеты. «Зайчиков» в группе может быть большинство.

«Лисята». Физически «лисята» под стать «зайчикам», но у них есть небольшие преимущества — врожденная изворотливость, ум, сноровка. Они уже обладают навыками выживания в среде, знают, «где взять» тот или иной ресурс, умеют ладить с персоналом и другими детьми, даже со старшими. Таких ребят — улыбчивых, открытых, активных, успешных в учебе — в группе может быть двое или трое. Они на виду — первыми несутся к гостям получать подарки (с оглядкой на «волчат» и «медведей»), но при этом готовы отдать все гостинцы более сильным однокашникам. Обладая навыками добытчиков, «лисята» не обижают «зайчат», ладят с «волчатами» и «медведем». В самостоятельной жизни чаще всего устраиваются лучше других.

«Волчата». Эти ребята обладают лучшими физическими данными, нежели «зайчики» и «лисята». Они более дерзкие, умеют реализовывать свои «хочу» различными, нередко агрессивными

и вызывающими способами. Чаще всего такие дети группируются в некое сообщество. Их легко узнать по поведению, по ярко выраженной отстраненности от происходящих событий. На раздаче «халявных» подарков они обычно подходят вторыми, после «лисят». Потому что «волчата» знают, что все необходимое получают и так, но интерес пересиливает. «Волчата» прессуют «зайчиков» и «лисят», учатся плохо. После выхода из детского дома они продолжают группироваться, действуя в прежнем составе. В жизненные переплеты и в тюрьму эти ребята попадают первыми.

«Медведь». Чаще всего в детском доме есть «медведь» (по-тюремному — «пахан»). Изредка, «на договорной основе», могут сосуществовать и два-три «медведя». Это физически крепкий, сильный парень, который имеет доступ практически ко всем внутренним детдомовским ресурсам. Он плохо учится, а к концу жизни в детском доме и вовсе перестает посещать школу. «Медведь» никогда не находится в первых рядах, но знает, что информацию обо всем происходящем он получит в полном объеме. Он выделяется одеждой, независимым поведением, у него «все есть». Продвигаемый директором и сотрудниками учреждения как «лучший воспитанник», «медведь» влияет на все социальные группы, умело «руководит» жизнью целого детского дома. Он часто берет на себя решение различных проблем персонала, фактически являясь судьей и палачом. «Медведь» способен управлять детским коллективом, поднять детей на бунт, непослушание

и т.д. Он приближает к себе наиболее активных «лисят» и «волчат», которые исполняют его приказы, руководят «зайчатами».

Я заметил, что перед спонсорами чаще всего выступают именно «зайчики» и «лисята». Первые — потому что заставили, вторые — потому что необходимо показать уровень работы педсовета. «Лисята» никогда не отказываются поблестать, к тому же это дает шанс что-то получить от «разведенных на слезу» спонсоров, хотя выступление «зайчиков» производит бóльший эффект. Они поют песенку «про мамонтенка» или некую маму, от чего сердце любого человека дрогнет. Растроганные спонсоры начинают спасать всех и вся. А кто оказал на них такое влияние? «Зайчики»! Уже общаясь с «лисятами» и «волчатами», спонсоры думают, что их поведение — плод педагогических усилий персонала детского дома, однако то, что дети сами выстраиваются в ранжир выживания, им невдомек. «Люди с улицы» не понимают, что это личный успех ребенка, который, выживая, — выжил. Я часто посещаю детдомовские праздники и вижу, как рады этим мероприятиям «спонсеры» (специальный термин) и как равнодушны к ним дети. Это нетрудно заметить, если смотреть не на сцену, а в зрительный зал.

Карамельки и побег

***

Я ненавижу праздники. Ненавижу их и сейчас. Особенно Новый год.

От праздников мы получали особые впечатления. В детдоме существовал неписанный закон: все подарки нужно класть под подушку. Приходили средние и «деробанили» их, потом отдавали старшим. Единственное, чего не ели эти сволочи, — карамель с повидлом внутри. Я собирал на улице спички и ночью вышкрябывал ими содержимое из карамелек.

Подарки отбирали во всех детских домах, в которых я побывал, а их на моем счету более десяти — разнопрофильных, разножанровых, зарешеченных, пропускных, туберкулезных...

Лет до тринадцати я ни разу не получал своего новогоднего подарка. Так что к подаркам у меня отношение особое. Как-то мне подарили красивый пластиковый саксофон. Я его разбил, чтобы другим не достался. Меня про него долго спрашивали-допрашивали, чтобы отобрать и продать, я молчал как партизан, потом сказал, что украли.

***

Кто-то из «воспов» для повышения успеваемости и дисциплины в школе придумал «поведенческие дневники». Такая «вешалка» могла прийти в голову только врагу. Заправлять всем этим поручили старшим, их «совету». Теперь им вообще развязали руки: бей крепче, ты прав — выполняешь воспитательные функции.

Учителя видели, что мы в синяках, зато ходим «шелковые». А им что? Им лишь бы припряхь нас

к учебе. Не сделал домашнее задание — получи в дневник «кол». Они знали или догадывались, что нас колотят, но гнули свою линию. Пара учителей, правда, отказывались ставить оценки, за что им низкий поклон.

Вечерами был разбор «полетов». Нас опять судили, назначали наказание.

Когда Курица давала старшим задание «позаниматься» с младшими, она могла быть уверена, что старшие исполнят все в срок и «качественно».

Те, кто мешал этой образцовости, и получали по рылу в течение дня, и вечером узнавали, что мешать образцовому образу жизни нельзя: их образцово-показательно избивали, устраивались товарищеские суды. А утром шелковистость данного воспитанника повышалась.

Это отдельная строка жизни, о которой хотелось бы рассказать больше. Дело в том, что сообщение, что ты нарушаешь образцовость учреждения, могло прийти неизвестно откуда. Достаточно было ответить плевком на плевком в школе или опоздать на завтрак. Вечером тебя хватили за плечо ребята среднего звена, и тебя вызывали на ковер.

В детдоме знали о существовании этой системы, но никто не рыпался — видимо, эта система всех устраивала.

Экзекуции были разнообразны. Например, групповые кулачные бои, «полеты» на покрывале, ночные хождения коленками по железной лестнице (подсказали воспитательницы). Еще можно было полночи простоять на одной ноге

на тумбочке с подушкой на вытянутых руках или пройти сквозь строй, как у Толстого в «После бала». Пару раз меня приговаривали к повешению. Вешали почти «взаправду», но что-то все мешало довести дело до конца.

Кстати, в отличие от старших пацанов старшие девочки относились к нам хорошо, чтобы, наверное, как-то уравновесить ситуацию...

***

Чуть позже появились задания, которыми можно было откупиться от вечернего мордобоя. Для этого надо было украсть в школе деньги, а если ты деньги не приносил, то к утру правая сторона лица могла стать другого цвета. В школе нас не любили. И я понимаю почему.

***

Все это продолжалось в течение пяти — семи лет. Кто-то однажды сообщил-таки в горно и облоно, и к нам один за другим стали приезжать проверяющие. Естественно, директора перед этим предупреждали, нас одевали в новую одежду, а так как у директора был длинный стол и буфет, проверки быстро там и заканчивались. На время проверок у нас улучшалось меню, старшие отчитывались, как хорошо ведется самоуправление. Проверяющие нас раздевали практически до трусов — и мы говорили им, что падаем, разбиваем руки и ноги, оттого и синяки. Потому что — дети.

Директор оправдывалась тем, что мы очень спортивные и «угорелые». Мы же молчали, никого

не выдавали. Проверяющие немного журили директора, что мы так много занимаемся спортом...

В общем, нарушений не находили, никто не верил, что в детдоме могут избивать и заставлять воровать.

После этого начались первые побегі. Мы просто уже не верили в справедливость. Мы уходили в побегі по одному, по двое. В бегах находились по три-четыре недели. Нас ловили, сажали в «распредаки». Там свирепствовали местные «воспы». Мы были не их подопечные, поэтому огрызались в ответ. Помню, я как-то даже отбивался от одной «воспы» утюгом. Нам незачем было их бояться, ведь дальше детского дома не зашлют, хоть здесь постоять за себя.

Как ни странно, те, что бегали, потом легче адаптировались, пристраивались в жизни. Наверное, надо было всех отправлять в бега. Хорошая такая могла бы быть образовательная программа для детей-сирот.

***

Побегі были не только оттого, что не было веры в справедливость, но и потому что жестокость становилась все изощреннее и изощреннее. Дети ходили полусонные, полудохлые, потому что ночью происходили то массовые драки, то стирка носков для старших. Нянечки прятались в комнатах и смотрели телевизор. Помимо всего этого, в палатах не было дверей. Просто не было и все. Штор на окнах тоже не было. А напротив каждой палаты с улицы в окно светил жестокий фонарь.

Я брал рогатку или камень и ночью разбивал эти фонари. Соседние жители каждый раз писали на нас заявление в милицию: милиция приходила и уходила, мы били фонари дальше.

Чувствуя свою безнаказанность, старшие воспитанники стали измываться уже и днем. Например, сажали в лодку без весел и закидывали булыжниками. Так как расстояние небольшое, то камни попадали то в лодку, то в голову. Рядом с детским домом комсомольцами была построена игровая площадка. Старшие забирались внутрь домиков, предварительно сложив туда камни, а мы должны были пробираться мимо них. Или должны были приступить брать ледяную горку — старшие наверху, и скидывают тебя как попало — ногами, руками... Может, именно тогда я перестал бояться боли. В боксе это потом оказалось важно.

Однажды меня сбросили сверху, внизу оказался огромный булыжник — так я впервые сломал руку. Воспитательнице сказал, что упал на дороге. Когда рука уже не помещалась в кармане, меня отвезли в больницу. В следующий раз сломал во время хоккея. Когда пропустил гол страшим, один из них подъехал ко мне и со всего размаха ударил клюшкой по руке. Меня опять отвезли в больницу, какое-то время проходил в гипсе.

Но хитом всего этого негодяйства была газовая камера. Сначала это были мусорные контейнеры, в которые нас сажали и закидывали туда «дымовуху» — дымящийся спичечный коробок и подожженный теннисный шарик. Нас

чем-нибудь закрывали сверху, и мы должны были терпеть. Позднее нашли настоящую герметичную будку, в которой перевозили душевнобольных. Ох и много народу в ней умещалось...

Также выжигали паяльником на руке. Еще был среди старших один, который любил ставить на нас опыты. Например, заставлял пить фотораствор и наблюдал, как действует. Как слабительное фотораствор был незаменим. Я люто ненавидел эти опыты, но терпел, говорил, что мне хорошо. Тогда мучитель добавлял еще. Добрый такой парень, мы дали ему кличку Гестапо.

Я ждал, что поскорее вырасту. Но люди растут, оказывается, медленно.

Иногда, когда вспоминаю все это, хочется сходить в оружейный магазин.

***

Однажды, когда мы чистили картошку на кухне, один мальчик сказал плохое про мою мать — и я метнул в него нож. Ножик застрял в его ноге.

Сложная эта тема — родственники. По сути, это главный, судьбоносный вопрос ребячьей жизни. Многие сироты верят, что мама и папа случайно потеряли своего ребенка, что у них все хорошо и долгожданная встреча уже скоро...

Ножи я метал несколько раз — один раз в воспитателя и один раз в мальчика, который обзывал меня безотцовщиной и проститутским сыном. Я не думал тогда про мать. Я не знал, кто она такая, просто знал, что есть какая-то женщина... Два других ее сына тоже росли в детдомах.

***

Обычно братьев и сестер не держали в одном учреждении, считалось, что они могут создать клан. И вот как-то «побежники» передали мне по «почте», что в другом детдоме мордуют моего младшего брата. Я собрался и тоже подался в бега. Шел ночами вдоль дороги. Ел что придется.

Находить еду в дороге просто. Часто у людей открыты сумки, бери что хочешь. Еще можно воровать на рынке, потому что никто не побежит за тобой из-за одной груши. Или даже ботинок. Будут думать, что ты «уводишь» от точки продавца. Правда, иногда продавцы объединялись; ну, тогда — у кого ноги быстрее, если покупатели подножку не поставят.

Когда я добрался до места, сразу нашел брата — он сидел под столом и плакал. Я попросил его показать, где этот Поц, который его бьет. Поцем оказался большой мальчик, на голову выше меня. Я без разговоров бросился на него, дал ему с разбега куда надо, видимо, удачно попал, он упал, я кинулся на него и стал делать из него фарш. Никто не мешал драке, потому что в детдоме есть кодекс чести — я приехал из другого детдома и дрался за своего младшего брата, по понятиям я был прав. Я бил его, уже лежащего, ногами, орал что-то ему и всему детскому дому, обещая убить, видел в глазах моего младшего брата ужас, но иначе я поступить не мог.

***

Потом три недели я жил на сеновале, мне носили еду. Но кто-то «вломил», и за мной приехал Васька из нашего детдома. Когда мы садились с ним на владимирскую электричку, провожать меня пришел весь детдом — я был героем. Но ехал я обратно, «к своим», где героем не был, и очень печалился по этому поводу. Я мог бы свилять от Васьки, но тогда было бы еще хуже. Васька всю дорогу пил, что-то рассказывал о себе, а я смотрел в окно... Брата больше не трогали, знали, что у него есть старший брат — зверь. И это была правда.

***

Смысл моего тогдашнего побега был бы никакой, если бы я не заступился за брата и не отмутузил этого «старшака». Я знал, что меня ждут жесточайшие экзекуции. Мечь была страшная — мне присудили спать в шкафу целый месяц. Все работы теперь были мои: чистка картошки, мытье ванной, чистка пруда. Директор избивала меня каблуком. Она орала, что ей плохо спалось, что она состарилась из-за меня и сильно потратилась на валерьянку. Такова была плата за возможность защитить младшего брата. Но мне было привычно, я даже был рад, что меня бьют «за дело».

***

После побега я понял, что лучше сбегать и один раз наполучать сильно в морду, чем постоянно ждать этого каждую ночь.

Чтобы реже видеть детский дом и старших, я стал ходить на все секции и кружки — на ложки,

Школа

на фортепиано, еще куда-то. Однажды во время занятий кто-то украл кошелек у сотрудницы. Все подумали на меня, потому что я был из детдома. Так потом будет часто: детдомовский — значит вор. Меня обвинили и выгнали из всех кружков с позором. Я даже хотел повеситься. Ведь и свидетели нашлись, что я украл! Вора, кстати, потом нашли, им оказался «домашний» мальчик. Но никто уже не пришел, не извинился передо мной. А я потерял возможность прятаться от жестоких экзекуций.

Потом я примкнул к отрядам пионеров. Но ни в пионеры, ни в октябрята, ни в комсомольцы меня не приняли. Я все время был «мимо кассы». Помню, когда встал вопрос о приеме в комсомол, мы побили комсорга, который сказал, зачем-то приложив руку к сердцу, что детдомовские недостойны быть в комсомоле.

Школа

***

В школу мы ходили строем в одинаковых куртках, и «домашние» нас называли инкубаторскими. Как-то мы оказались перед десятком «домашних» пацанов, и драки было не избежать. Все шло в ход — то мы их побьем, то они нас.

В классе отношения были неплохие, так как мы редко посещали учебу, нас любили заочно, дружки не было. Если только с отдельными

Подпись
к фотографии

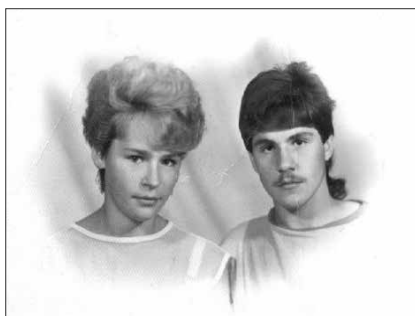
Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

девчонками, которые сидели рядом и хихикали, когда их ущипнешь.

Вообще с «домашними» девочками у мальчиков были отношения непростые. Они держали дистанцию, хотя вроде бы и улыбались, но заговорить о чем-то не получалось. Дружил я с одной «домашней» девочкой Натальей. Она приносила мне пироги из дома, приглашала на чай. Но это было крайне редко.

В этом же городе был интернат, куда сдавали «домашних». И мы могли этим «домашним» отомстить. Драки были очень жестокими, девчонки дрались с девчонками, мальчишки с мальчишками. Но если надо было подраться с какими-то деревенскими ребятами, то мы объединялись и дрались на стадионе. Однажды была драка 100 на 100. Это было нечто...

***

В школе я ходил только на уроки физкультуры, литературы и истории, полностью игнорируя математику, химию, физику. Историю вел приятный учитель, на его могилу я недавно ходил. Учитель физкультуры бóльшую часть жизни проводил на велосипеде, на велосипеде же и умер. С ним же его и похоронили.

Наверно, существуют два фактора, которые повлияли на мою жизнь, — архитектура и литература. Архитектура как бы сама нависала над тобой — завораживала, принимала, понимала. Литература — как попытка заместить недостающее общение: Гоголь, Толстой, Достоевский, Пушкин.

Когда были показательные уроки, я мог долго читать наизусть стихотворения или монологи из прозы. Одноклассникам это нравилось — им не надо было готовиться. Литературу вела Нина Тимофеевна Тонеева. Она всячески поддерживала меня и вообще смотрела на меня как мать (хотя я не знаю, как смотрит мать, но, видимо, так же — по-доброму, с участием). Сейчас она парализована, я звоню ей каждый месяц, и мы душевно разговариваем. Когда я бываю в Суздале, непременно навещаю ее.

***

Как-то прочитал «Дети подземелья». Хотел написать автору, не зная, что он давно умер. Смешно. Читал я много, под одеялом с фонариком, в основном, правда, в пионерлагере, в детском доме не до того было...

Кстати, библиотекарем в детдоме была красивая девушка Татьяна. Так как в библиотеку никто не ходил, Таня спала там, и однажды кто-то отрезал ей, спящей, косу.

***

Рисовать мне захотелось только тогда, когда познакомился в пионерлагере с вожатой, тоже Татьяной, художницей, которая общалась со мной, пыталась объяснить, чем живопись отличается от не-живописи. А однажды, пытаясь в пионерлагере сбежать на речку, я увидел, как ребята занимаются боксом. И стал заниматься с ними. Тренер, узнав, что я из детдома, сказал: «Тебе нужны

будут кулаки». Это и стало смыслом моих поездок в пионерлагеря.

Вообще там нас побаивались, и нам это нравилось. Ты ничего не сделал, а тебя уже боятся.

Правда, не отпускала мысль, что скоро вернемся в свой маленький ад.

***

Пионерского лагеря мы ждали как спасенья, как возможности уйти от проблем и жестокостей хотя бы на лето. Мы легко «разводили» добрых пионервожатых. Пользовались их порядочностью. Сейчас я хочу попросить у них прощения...

Воспитатели лагерей не понимали, почему за пару недель до отъезда в свои пенаты мы превращались в отряд бледнолицых: никто не ел, ходили с понурыми лицами. Вожатые думали — мы грустим, не хотим с ними расставаться. Наивные, светлые люди.

А на самом деле просто врата нашего обиталища приближались...

***

Я побывал, наверное, в сорока разных пионерских лагерях. Там меня называли «Сашка-артист» за мои способности петь, танцевать, играть в спектаклях.

Я играл Остапа в «Двенадцати стульях», Сашка Спиридонов играл роль Воробьянинова. Все валились с ног от хохота, когда мы искали в стульях «клад». Я пел авантюрные песни. Тогда я был счастлив, забывал, что где-то есть «старшаки».

По-доброму

***

Однажды меня, как «самого туберкулезного», отправили на юг. После возвращения я стал разноцветным от синяков — все старшие ребята при встрече со мной обязательно давали тумака. Так решили на «сходке». Весь детский дом объявил мне бойкот за то, что я грелся на юге, а они тут за меня отдувались. Не разговаривали со мной три месяца. Правда, некоторые тайно подходили и извинялись: приказы не обсуждаются. Я с пониманием отнесся к этому факту.

***

Как-то к нам в детдом приехали киношники с «Мосфильма». Собирались снимать кино о прошлом веке. Режиссер говорил, что мы практически все подходили на роли детей бедняков. И еще он говорил: «С глазами у детей все нормально, будем снимать».

Во время съемок мы стояли в поле, на ветру, и ветер теребил нашу бедняцкую одежду. Мы должны были смотреть в камеру и на детский дом. Снимались без дублей. Но что-то у киношников не заладилось, и съемки свернули. Кино с нашим участием так и не вышло на экран. А жаль. Кажется, по такой же технологии снимали фильм «Подранки». Дети из настоящего детского дома играют трудное детство очень правдиво...

По-доброму

***

Встречались и люди, которые по-доброму относились к нам. Например, наша участковая отказывалась отправлять меня в колонию, хотя директор регулярно писала на меня заявления. Участковая приводила к себе, я рассказывал ей всю правду. Директор носила ей коньяк, конфеты, но меня так и не сбагрили. Однажды меня поймали с велосипедом, который прятали в пруду старшие. Участковая и тут мне поверила, что не я его украл.

Еще из доброго помню — к нам приходила сухонькая бабушка, она перепрыгивала через забор и приносила нам конфет. Потом мы подсаживали ее обратно.

***

В детском доме был один черно-белый телевизор, который стоял в клубной комнате. Попасть туда было непросто. Чтоб посмотреть кино или мультфильмы, надо было быть идеально отточенным образцово-показательным воспитанником. Иногда мне удавалось попасть, и я видел совсем другой мир. Очень нравились программы с участием Дроздова и Сенкевича. Один говорил про животных, другой куда-то ездил. Еще нравились мультфильмы и похороны деятелей под балет. Когда умер Брежнев, балет крутили целый день. Балерины кружили в черно-белых одеяниях, и мы на это смотрели.

Наверное, похороны под балет, потому что тапочки балетные — белые.

***

Когда умер Брежнев и объявили траур, Курица достала всех криками: как же она будет жить дальше, у нее тоже больные почки, как у Брежнева. Мы «утешали», мол, музыка у нее на похоронах будет такая же... До Брежнева умерли Джо Дассен, Высоцкий. Я даже плакал, но скорее не по ним, просто был повод...

***

В Пасху, я помню, мы ходили на кладбище. Одним из «пасхальных заданий» старших был сбор продуктов — люди несли на помин конфеты, водку, фрукты. Мы все это собирали, относили «старшакам». Несколько раз на кладбище на нас устраивала облаву милиция. Это было смешно — бегают между оградами ребята, а за ними носится, придерживая фуражку, милиционер. Иногда нас отлавливали и привозили в детский дом. После этого директриса устраивала «публичную порку». Нас выводили на середину зала и поливали оскорблениями с ног до головы. Мы, потупившись, молчали, хотя стоять на нашем месте должны были другие. Директриса кричала, что мы устраиваем столовую прямо на кладбище, что Бога нет, что еду на могилы своих близких несут недалекие люди...

Сейчас я понимаю, что ничего плохого мы не делали, ведь люди приносили еду на помин, а значит, кто-то должен был ее съесть. Вороны не успевали, зато успевали мы.

***

В самом начале моего пребывания в детдоме я обнаружил церковь, которая была открыта. В Суздале тогда действовал только один храм — за белой стеной библиотеки, недалеко от «Вечного огня». Из детского дома туда ходил, вернее, захаживал только я. Об этих визитах так и не узнали, «стучать» у нас было не принято. Это была моя тайна. Я шел в храм не потому, что был верующим или хотел получить вкусных просфорок — просто там было иначе, чем везде. Мне тогда было совсем мало лет, и я очень плохо понимал, зачем нужен этот дом с крестами и колокольня рядом. Но каждый раз, возвращаясь из школы, проходил мимо этого храма. Там меня принимали по-доброму, бабушки заговаривали со мной. Я, конечно, молчал в ответ, но мне было приятно, что меня замечают. Помню, я ощутил там спокойствие и какую-то уравновешенность. Помню сухоньких старушек, голос священника. Он потом ушел в раскол, вывез мощи Евфимии Суздальской из храма. А недавно я увидел на ютубе, как их возвращают.

Не знаю, откуда взялось во мне желание заходить в этот неведомый церковный мир. Спустя несколько лет, уже занимаясь строительством храма, я понял, что меня позвал колокол из детства — некрещеного, необразованного. Видимо оттуда, из самого дальнего моего уголка, слышны эти звуки колокола и старушечьих голосов. Возможно, благодаря этому что-то светлое осталось в душе от детства.

***

Бывали дни, когда меня не били — то ли «старшаки» куда-то уходили, то ли просто везло. Можно было немного поразмышлять над тем, как жить. Так как все свелось к денежным отношениям, большинство предпочитали откупаться — обворовывали гардеробы в школе, сдавали трехлитровые банки — они и тогда стоили дороже бутылок.

Я мечтал, что смогу все решить в один момент — надо просто найти клад, чтобы отдать его «старшакам», отдать за всех, чтобы не трогали нас. Поскольку детдом был в старинном здании, в течение нескольких лет я пытался этот клад отыскать, частенько забирался в подвал нашего дома, простукивал стены — но находил только крестики, заколки, монетки, которые ничего не стоили.

О кладе мечтали многие. Но, конечно, никто никакого клада не нашел. А жаль.

***

Напомню — мы крутились на всех работах, мы работали до изнеможения, это шло в ущерб учебе. А работать было где. Почистить ванну картошки, полить огород, обрезать яблони, убрать навоз у свиней. Еще мы выращивали картошку, капусту, но воспитатели воровали это все без укора совести.

Иногда, когда кочегар долго не просыхал от пьянства, мы не только разгружали несколько тонн угля в кочегарку, но и дежурили за кочегара посменно, а значит, не учились. Поняв

это, «кочегарить» потом стали старшие, прихватив с собой кого-нибудь из нас. А уголь, который привозили, надо было убрать в кочегарку быстро, за ночь, иначе ночью местные жители все разворуют. Дома-то у всех деревянные, топить нечем. А сиротам — привет! Утром мозоли были кровавые, но мы очень гордились трудовым «подвигом». Из-за мозолей держать ручку не было возможности, и мы сидели, сунув руки под парты, или чистили «картофан» в детском доме.

Многие говорят, что это хорошо, когда ребенок трудится, но когда он не только трудится, но его еще и мордуют, это уже не так хорошо. Както с товарищем чуть постарше меня мы присели отдохнуть на дровах. Директор, увидев, что мы не работаем, схватила меня за ухо и, подняв за него, произнесла в лицо: «Кто не работает, тот не жрет». Потом я долго пилил дрова. А врачу сказал, что ухо задело пилой. Директор обрадовалась, что я такой сообразительный и не создаю проблем, дала мне витаминку, не забыв сунуть себе в рот другую. Это почему-то меня очень насмешило тогда.

***

Был у нас конюх Васька. Пьяница. Пропойца. В общем, хороший человек, как у пьяниц часто водится. Он пил одеколон «Шипр» и лосьон «Огуречный», а заедал капустой. Пару раз мы в подполе его закрывали, зная, что он там закусывает нашей капустой. Была у Васьки лошадь Мильчик, большой тяжеловоз. Мильчик Ваську не любил,

а детей любил. Весной он выбивал задними ногами дверь и убежал к кобылице. И мы всем детдомом шли его искать. Находили Мильчика, гулявшего с какими-то белокудырыми кобылками. Васька носился по полю, пытаясь схватить коня. Потом кто-то наконец ловил коня за сбрую, и мы шли обратно. Я сидел верхом и смотрел, как мимо проезжают дома и люди, чувствовал запах огуречного лосьона. Васька от радости «принимал» и шел в кочегарку, где кочегарил его друг. Тоже алкоголик, но тоже хороший человек. Мы сидели и слушали байки, они угощали нас печеньем. Не было ни краснорожей директрисы, ни «старшаков». Только мы и эти умильные старики.

Директриса их часто вызывала и обещала уволить за пьянки и, как она говорила, детский разврат. Но так как им платили мало, уволить их она не могла.

Однажды Мильчик чуть не убил Ваську, когда тот, уронив одеколон, наклонился за ним, а конь ударил его копытом. Васька выжил, только след от копыта остался на спине. Кстати, они снимались с Мильчиком в кино. То ли в «Женитьбе Бальзамина», то ли в «Мертвых душах». Лошадей тогда не было, и приходили к нам.

Уже потом я узнал, что через несколько лет Васька замерз в лютую стужу насмерть.

Еще мы любили собак, играли с их щенками. У меня была своя собака — такая пятнистая, похожая на Бима Черное Ухо. Но соседи отравили ее. Сволочи. Добавили в еду крысиного яда. Васька

помогал мне ее похоронить. Больше собак я не заводил.

***

Приезжали из Москвы желающие усыновить, чаще всего для расширения жилплощади. Взяли одного мальчику, а потом он осенью, раздетый, возвращался в детдом пешком четыреста километров. Усыновители его обвинили в воровстве, в неумении жить в семье и так далее. Хотели как-то взять и меня, но я корчил такие рожи, что людям становилось тошно. Кабы тогда знать, что придется пережить, пошел бы в любую семью и делал бы другое лицо — лучше так, чем об косяк...

Одной девочке, Марине Пелевиной, повезло, ее решили взять в Италию. И надо же такому случиться, перед самым отъездом она, катаясь с горки, занозила себе кое-что. Думали — все, не уедет. Но итальянцы ждали, пока заживет, и забрали ее. Она красивая была девчушка, как кукла. В семью брали нечасто, мы, в общем-то, этого и не ждали. Это сейчас тренд, берут детей в семьи, а тогда считалось, что самое лучшее место для ребенка — детдом, там еда и игрушки. Нередко родные просто приводили детей за руку, чтобы они жили в детдоме. Потом и квартиру дадут, и прочие блага. Вот только многие не знали, что наш детский дом был не то что концлагерем, а просто крематорием. Где тебя убивали и убивали. Потом ты выходишь из стен детдома и убиваешь себя уже сам — опыт есть.

Неоднократно к нам попадали дети из семей, чьи родители сдавали их на время своих отъездов. Помню, какая-то мамаша уезжала за границу в командировку и по незнанию оставила нам своего сына. ГФ дала обещание, что все будет хорошо, но старшие так не думали... Парень сбежал на следующий же день.

«Домашним» доставалось сильно, мстили им за свободу.

***

Да, в детдоме были хорошие повара. Все, кто не участвовал в воспитательном процессе, — хорошие люди: повара, сторожа. Была красивая повариха тетя Валя с громким голосом, когда она смеялась, все ею любовались, даже директриса. Почему-то Валя заметила меня и давала всякие сладости. Но и поварам доставалось — то от директора, то когда обворовывали кухню.

Когда мы стали старшими, я приноровился вносить разнообразие в детдомовскую кухню — то притаскивал карасей, то грибов. Это стало целым трендом — все ходили на рыбалку и за грибами.

***

Были люди, которым я был интересен, но их было не так много и не в стенах детдома. Приходилось находить их самому. Сейчас, вспоминая о школе, понимаю, что она не стала для меня тем местом, где я мог что-то понять. Все пришлось познать потом, но то, что несколько человек из десятков

сотен обратили на меня внимание, иногда просто улыбнулись, скрасило мое черно-белое детство.

Смена власти

***

Еще в первом классе мы дали зарок: когда будем «наверху», младших не трогать ни за что. Мы выполнили это обещание. За мягкую политику против младших мы часто были биты. Младшие знали об этом. Поэтому, когда мы сами стали старшими, наши отношения с бывшими младшими складывались хорошо.

Уже потом я понял, что прошлое страшнее нынешнего, потом будет страшно вспомнить, как ты кого-то избивал или мучил фотораствором. Мне перед моими товарищами помладше не стыдно. Мы прекратили эту вековую практику давить на младших. Хотя далось это с большим трудом.

На днях меня опять спросили, как так случилось, что мы не стали «жестить». Если честно, не могу дать на это ответ. Ведь всегда права от старших к младшим передавались, как ключ от города. Стал старшим — бей, рули, богатей.

***

Теперь младших за прогулы никто не бил. Воспитатели пытались собрать «актив», но мы не шли на контакт, лишь устроили в ответ показательную

голодовку — несколько дней не ели всем детским домом, директору даже плохо стало.

Не сказать, что мы вообще перестали управлять младшими — мы наказывали их за кражи у своих или «беспредел», но не избиением, а работой.

Воспитателей после стольких лет издевательств мы не уважали и ни во что не ставили, мы их попросту игнорировали: на все, что они говорили, отвечали молчанием. Такой вот объявили пожизненный бойкот. Не всем, конечно, но многим. В результате часть воспитателей из детдома ушла.

Когда приезжали бывшие выпускники, из детского дома уходили все — никто с ними не хотел даже здороваться. Мы собирались их побить, но все же побоялись — у многих из них были с собой ножи... У нас тоже были, но они старше, сильнее, да и память об их делах еще не выветрилась.

«Воспы» жаловались им на «трудности» в воспитании, но ничего не могли с нами поделать. Мы только еще сильнее шkodили, например, резали «воспам» сумки, подкладывали всякие гадости на стулья, закрывали в кабинете на полдня.

Директриса была очень недовольна, что вся система рухнула, в детдоме начался разброд. Через два года после нашего выпуска детдом закрыли. Я пару раз навещал это место, но без особого энтузиазма. А сейчас вообще стараюсь не ездить. Хотя часто бываю в Суздале. Нет сил, да и времени глядеть на стены, где тебя уничтожали.

Ненависть к директору была просто глобальной, только сейчас отлегло. Да и нет ее уже на свете. А за два года, пока мы были «у власти», ей от нас досталось, и от меня в том числе. Это были и выбитые стекла в ее кабинете, и намазанная ручка двери, и гвоздик в замочной скважине. Один раз даже поджог... Прошлое пришло и к ней. Она пыталась сделать, чтобы все было как прежде, но как прежде быть уже не могло.

***

То, что детдом стал другим, в какой-то степени помогло мне найти сведения о моей матери. Я разведаль, что ключ от сейфа, где лежали все документы, директриса прячет в туфле, которой она неоднократно меня колотила. Я стащил ключ, открыл форточку, залез и достал свои документы. Об этой краже она так и не узнала.

Впрочем, та моя попытка установить контакт с матерью не увенчалась успехом. Когда я ее отыскал, она была холодной и незнакомой. Потом, так и не потеплев, она так и осталась в позиции «я не виновата».

Отца своего не помню. Даже имени его не знаю.

Делал редкие попытки найти его, но все как-то не идет. И тяжелое слово «безотцовщина» висит надо мной до сих пор.

Торфяное училище

***

Уже за два года до выпуска я знал, что меня отправят в торфяное училище — ПТУ, где учили на механизатора торфяных разработок. Меня ничего не волновало, за меня все продумали.

Да и так мне хотелось куда-то деться из детства, что я даже начал верить в инопланетян. Но инопланетяне все не прилетали, пришлось продолжать верить в себя.

***

Выпускной прошел мимо меня — на последней школьной фотографии меня нет. Где я был — не помню. То ли играл в футбол, то ли бродил по городу. Было мне 16 лет, единственное, что я понимал, — начинается новая жизнь. Несколько ночей подряд я не спал, боясь даже думать, что будет завтра.

Просто надо было выйти из тени детского дома и идти вперед. Вокруг все хлопали по плечу, но этого было мало. В голове была каша, которая не варилась. Куда идти и что делать, я тоже не знал. Передо мной маячили торфяные разработки, возможно, звание Героя труда... Был выпускной или не был — зачем он был нужен?

В школе я учился плохо, вернее, вообще не учился. Все оценки получил автоматом за бытовые навыки — подмести пол, почистить картошку.

Мне дали школьную характеристику, такую же, как всем, и документ о моей жизни в детдоме — толстую папку. Еще подушку, чемодан

с носками-трусами и десять рублей. Посадили в ПАЗик, ненавязчиво попрощались, кто-то перекрестил, и я поехал вперед. По дороге мелькали привычные места, купола, валы и улицы города, где прошло детство. Все это оставалось позади, и нужно было искать свой новый путь. Который мне уже выбрали, отправляя в неведомое учебное заведение. Так будет еще очень долго. Еще очень долго за меня будут принимать решения.

***

Мне казалось, что с моими житейскими знаниями я смогу войти в новый для меня мир, подружиться с новыми людьми. Но жизнь в очередной раз показала мне козью морду.

Все началось заново. Так как меня привезли в общагу училища летом, мои иллюзии были богаты и широки. Но осенью в училище приехало триста человек, «домашних», абсолютно незнакомых мне. Они сначала с любопытством смотрели на меня, а потом не замечали. А узнав, что я из детдома, стали относиться настороженно.

В первый же день мне выдали «хабзу» — продукты. Я сразу съел и раздал весь недельный запас. Откуда мне было знать, что это на неделю? Пришли старшие, выбили дверь в комнате, пытались конфисковать еду, но получили стулом и радио по голове. Так как ПТУ было поселковое, между поселковыми и «хабзайцами» из города всегда случались драки. Почти сразу я попал в одну такую поножовщину, с убийством. Мне дали нож и сказали: когда приедет милиция — будешь

свидетелем (с кровавым ножом в руках!). У меня хватило ума выбросить нож в печку и сбежать.

Но самое сложное оказалось впереди, когда меня стали задирать из-за скудности гардероба — у меня была одна водолазка и одни брюки. И парень, которого считали главарем и самым сильным в училище, говорил какие-то неприятные мне слова. Я понимал, что бежать некуда, и решил не сдаваться — стал бегать кроссы, стучать по груше, драться в спаррингах.

Главарь был гораздо крупнее меня, но это меня не пугало — у меня был опыт драки с более старшими, чем я, и в лагере, и в детдоме. Я внутренне был к этому готов. И однажды встреча состоялась.

Это произошло, когда я стоял у окна и о чем-то думал. Ко мне подошли сзади и ударили по голове. Это был местный главарь, который начал мне что-то говорить. Из-за его спины я увидел ребят, которые сгрудились и смотрели на происходящее. У меня был единственный шанс сохранить лицо и все остальное.

Не дожидаясь, пока он договорит, я ударил привычным ударом под колено, он нагнулся — я ударил в лицо, он упал. Было понятно, что если он встанет — упаду я. Все это происходило на глазах у толпы ребят, которые оценивали это, но никто не вмешивался, была драка один на один. После этого меня никто не трогал и у меня появилась кличка — Кабан.

Этот молодой человек повел себя достаточно странно — привел своих родителей, но они, узнав,

что я из детского дома, не стали меня трогать. Потом он грозился топором.

Многие ребята стали ходить со мной на бокс, я почувствовал даже какое-то уважение к себе. Смело ходил по поселку и понимал, что совершил нечто важное.

***

Я пытался помогать младшему брату Володе, который еще находился в детдоме. Но сейчас понимаю, что совершил ошибку. Что-то после той встречи его сломало, что-то выключилось. И он сел на долгие десять лет в тюрьму.

Еще я решил съездить к матери — почувствовать что-то теплое, знакомое и попытался пожить с ней, переведясь в ПТУ поближе. Но через некоторое время я потерял всякую надежду почувствовать материнскую заботу, а себя полноценным сыном. Мать была холодна и даже гордилась тем, что она сделала. Она тогда жила с каким-то странным мужиком, от которого у нее родились двое сыновей. Он умер страшной смертью — напился, и сало встало поперек горла, а собутыльники отнесли его в кусты, где он и умер.

***

В училище меня опасались, я был дерзкий и мог учудить чего. Говорил резкие слова и лез в драку. Не полезешь в драку — считай, что ты проиграл, что ты трус. Лучше сразу скинуть «хабзайскую» куртку и начать бычиться на того, кто тебя обижает. В детдоме привили эту странную

Подлодка

привычку — сразу вспыхивать как спичка, не разбирая, что и как. Это помогало в детдоме, но не помогало потом. Вдруг что-то в голове щелкало, и начиналась драка. Придерживать себя было всегда сложно. Научиться этому получилось только спустя много лет. Вообще же, вспоминая свое ПТУ, могу сказать, что польза от него была — постоянное койко-место, еда, незатейливый досуг. А впереди маячила армия, точнее сказать, флот.

Подлодка

***

В военкомате мне пригрозили, что я попаду в танкисты. Возможно, потому что маленький. Но попал я все-таки на флот, на атомную подводную лодку, где отслужил три года.

Флот оказался полезнее всего. Три года где-то на глубине — ни тебе соблазнов, ни платы за квартиру, ни выноса мусора, ни писем, ни звонков, ходишь-бродишь в толще воды. И, как сказал Тарковский, — начинаешь восхождение в себя.

Все было достаточно банально — пришла повестка, я собрал нехитрые пожитки, выпил два стакана какого-то вина... Хотя была возможность закосить, пожаловаться на боли в животе, голове, ноге, а там докажи — болен я или здоров. Но мне как-то очень хотелось отслужить Родине, я был так воспитан.

Нас отвезли в Мурманск. Большинство, с кем я был, очень страдали — кто по родителям, кто по девушкам, кто по водке, а кто по мотоциклу. Мне особо страдать было не по кому, для меня это была очередная вершина. И я с удивлением взирал на происходящее — все для меня было новым.

Кажется, мне было проще других. Подводная лодка очень схожа с детским домом — деваться с нее некуда.

На подлодке, кстати, моря я так почти и не видел. Буквально пару раз при всплытии, при поиске торпеды на учебной стрельбе. За это даже дали однажды увольнительную. За проступки сажали на гауптвахту. Кстати, меня там очень выручил спорт. Я сразу попал в спорт-роту флотилии, выступал на соревнованиях по боксу и футболу. По футболу мы даже стали чемпионами флотилии. А в кубриках я тренировал своих товарищей, учил драться.

***

Здесь была возможность подумать о будущем, сосредоточиться на каких-то новых задачах. Сидя в отсеке, я мечтал, думал, фантазировал.

Письма я получал редко. От учительницы и одноклассницы Наташки. С одной стороны, не совсем хорошо, что у тебя нет ни одного знакомого, но с другой — я видел, как люди лезли в петлю из-за того, что кто-то кого-то бросил... Один сослуживец хотел повеситься, узнав, что его девушка ушла к его другу. Он гневно писал ей, требуя вернуть весь бензин, который потратил, катая ее на

мотоцикле. Кто-то предложил даже потребовать подаренные цветы. Было весело.

А однажды, когда мы играли в футбол, мяч упал в залив, и я на лодке вышел в фарватер на веслах и стал этот мяч ловить. Это был абсолютный бред, потому что меня мог застрелить любой часовой. Правда, я был в форме и меня узнавали — поэтому обошлось. Но все-таки командуящему флотилии доложили, и меня арестовали, дело шло к дисциплинарному батальону.

К счастью, вмешался случай. Какой-то адмирал, спускавшийся по лестнице, увидел меня с мячом, поблагодарил за победу флотилии в футболе. А потом на допросе капитан перепутал мою фамилию, и я вернулся в отряд, не получив никакого наказания.

***

Помню, в одном из походов смотрели фильм «Ленин в Октябре». Но главным открытием стал фильм «Асса» с Татьяной Друбич, с которой я позднее познакомился на одном из благотворительных вечеров. Молодая и очень красивая. И мы, не видевшие девушек и никаких развлечений, смотрели этот фильм раз 30, наизусть знали текст. Потом уже просто просили перемотать до того момента, где Друбич переодевает кофту, стоя спиной к экрану.

***

Пару раз горели, но не сильно, пару раз тонули, но не глубоко.

На стенах я писал стихи, выменивая хлеб на карандаш. Чтобы крысы не съедали хлеб, находил дырки, вставлял туда спички, как в детстве, лишая мышиноного короля питания. Помогала также игра на гитаре, я хорошо знал песни Высоцкого, Окуджавы, Визбора.

К концу службы мне предложили стать корабельным старшиной, но для этого надо было принести литр спирта, или даже два литра. Я подумал: да какая разница, главное отсюда уйти, в новое море, в новое погружение. И ушел простым матросом, хотя и были награды.

Через три года, 3 декабря, в день своего рождения, с нехитрыми пожитками и задранным козырьком, помахав рукой военно-морскому флоту и сплюнув на плац, я стал свободным человеком.

С этого момента упорядоченность и сытость закончились на долгие-долгие годы.

Работы

***

В поезде Мурманск — Москва, обедая за засаленном столом, увидел я, или Господь ткнул меня в мое будущее: в газете в рамочке было написано, что для вас, Александр Гезалов (было такое ощущение), есть в Петрозаводске место в общежитии театрального училища. Меня зацепило слово «общежитие». И, совершенно не зная, куда идти,

я вышел в Петрозаводске, который стал родным на 20 лет.

***

Поступая в театральное училище, я был уверен, что никому не могу быть интересным. Не только девушкам. Вообще всем. Что может быть интересного в человеке, который неинтересен сам себе? Когда я ехал служить, люди в поезде не только не смотрели на меня, но и боязливо отворачивались. И это меня так удручало... Но теперь, видимо, потому, что я уже был матросом флота в бескозырке и с симпатичной мордашкой, — почувствовал себя буратиной.

В училище давали койко-место, в отличие от вокзала, где давали только в морду: милиция, ОМОН и вокзальная мафия.

Конечно, можно было поехать туда, где проходило мое детство. У стен учреждения укутаться воспоминаниями, как делают большинство воспитанников.

Чего я хочу, я не знал. Зато точно знал, чего не хочу: возвращаться в детдомовскую Владимирскую область. Там были все наши, кто где. Большинство в тюрьме, кто-то в борделе. А большинства уже не было в живых... Какое пронзительное сочетание — НЕТ ЧЕЛОВЕКА, как так? Я хорошенько прикинул, семь раз, и — отрезал. Хотя по статистике сто процентов детдомовцев возвращаются на территорию своего детства. Но что мне статистика?

***

В училище надо было сдать экзамены — спеть песню, рассказать стихотворение, покривляться... Последнее мне удалось великолепно, и меня взяли режиссером-актером. Группа оказалась пе-страя, все были гораздо моложе меня.

Я не стал говорить, что я из детдома. Решил, что буду как все. Хотя чтобы быть как все, надо иметь деньги. Деньги у всех были, а у меня не было. И я пошел работать сторожем. Прямо со смены шел на учебу, над городом вставало солнце, а мне хотелось спать...

Двадцатishестилетний детдомовский мальчик — это готовый государственный обвинитель. И я очень благодарен тем, кто меня тогда терпел.

Я чувствовал свою недотепистость, малообразованность, бессемейность, и вместе с тем — желание действовать, так меня научили в детстве. Что-то внутри, ближе к сердцу, не давало мне спать, поднимало по ночам, тащило на балкон смотреть на звезды. Это «что-то» отдельно от меня жило, думало, готовилось к прыжку. Голова-то молчала! И только потом я понял, что за меня жила и думала моя маленькая, с кулачок или еще меньше — душа.

Видимо, Бог закладывает в каждого умение жить душой, но не всякий может ее услышать, а мне вроде удалось. Помню, как в детдоме я часто выходил по ночам на свет коридорных ламп. Стоял у косяка и просто смотрел на свет. Может, это и был тот самый СВЕТ? Не знаю... Как там у Пастернака:

Работы

Гул затих, я вышел на подмостки.
Прислоняясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку,
На меня наставлен сумрак ночи,
Тысячи биноклей на оси...
Если только можно,
Авва Отче, чашу эту мимо пронеси...
Но продуман распорядок действий
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти...

***

В общежитии жил один, бегал на тренировки по вечерам, брэнчал на гитаре. Как ни странно, я со всеми ладил, кроме комендантши — то ли она почувствовала мой сиротский запах, то ли кто-то рассказал. Она точила на меня зуб.

В училище были замечательные педагоги. Мой первый режиссер Василий Сергеевич Серебров, Нелли Паки и много других людей, дающих тепло. Они учили меня петь, падать со стула, выходить на сцену, не бояться аудитории, быть смешливым. Надо сказать, я прилежно учил свои роли, сдружился с преподавателями, ходил к ним в гости. Да и до сих пор хожу — на кладбище...

***

Потом наступили тяжелые времена — я закончил училище, стал работать. Работал на заводах — выступал на арматурах, декламируя то Маяковского,

то Зощенко, вел свадьбы, трудился по ночам сторожем — крутился как мог.

Комендантша все-таки смогла выразить свою неприязнь — выгнала меня из общежития. Мы с ней поговорили очень жестко, и я впервые сказал, что я из детдома. Она округлила глаза и ответила: «Тем более!»

Доходы были небольшие, и я ночевал в магазине, который сторожил.

***

Работ я сменил много. Прописки не было несколько лет, а без прописки — какая работа? Брался за «все, что дадут». Помогала детдомовская закалка, я рос профессионально, а значит, и в цене. В вуз пока учиться не пошел, побоялся что-то упустить. Как раз наступили перемены, нужно было выбирать — тратить время на учебу или на укрепление позиций в городе. Я выбрал второе... И оказался прав. Многие, получив высшее образование, оказались не готовы к переменам, и специальности, которые приобрели, остались невостребованными. Ваучеры, дефолты — все это прошло мимо меня, не задев, так как я ничего не имел.

Жить в чужом городе без друзей и врагов было очень трудно. Все вокруг вылупились из домашних тапочек, а моя одежда выдавала «дворянское» происхождение. Босяк босяком. Я был резок, порой нетерпим, каюсь, но я никогда не предавал и не искал выгоды в отношениях. Отдавал последнее, не жалел денег, заработанных в уличных ларьках. Не пил и не курил. Трудовые

деньги я тратил на пластинки и еду, больше ни на что не хватало. Но это были мои первые деньги.

Занимался футболом, боксом, теннисом. Спорт — это тоже труд. Это я понял еще с детского дома, где ходил на все возможные кружки и секции, чтобы противостоять обидчикам. Там меня били ночью, днем редко. Поэтому днями я рос. В моей крови циркулирует литра три тренерского пота.

Я трудился над собой и во многом благодаря спорту нашел работу: слабака не возьмут на сторожевую должность.

Потом я работал продавцом, охранником, дворником, вел театральную студию, был замом в школе — в общем, поменял больше двадцати профессий, написав большую трудовую книгу. Жаль, что за нее не дают «Букера».

***

При первом знакомстве со мной люди чаще всего недоумевают — что это, мол, за комок энергии? Но иначе я не могу, мне надо за короткий срок наверстать упущенное, что-то, что я потерял еще до своего рождения...

Однажды отлупил какого-то негодяя, который высказал что-то негативное в адрес военно-морского флота. Да так, что чуть не сел в тюрьму. А один раз так ударил мужика, что он, упав, ударился об асфальт, и я решил, что он умер. Но, наверное, потому, что он был пьяный, все обошлось. После этого случая я решил больше руками не махать.

***

Достаточно сложно жить, когда вокруг все шепчут, что нужно быть крутым и изворотливым, а у тебя это как-то не получается. Долгие годы моим имуществом была только одежда в сумке с надписью «СССР». И ничего больше. НИ-ЧЕ-ГО. Как говорит мой друг — чистый и свободный. В гости никто особо не приглашал. Я ходил в общественную баню. Ходил в общественную столовую. Возможно, уже тогда я стал общественником...

Встреча с Кларой Лучко

***

Как-то неожиданно один мой бывший друг (а таких, как потом оказалось, будет достаточно) предложил мне поработать в Карельской филармонии. Это было тогда модно и интересно, и я стал выездным администратором: мотался по районам, делал так называемый «чес». Это когда за день надо организовать от семи до девяти концертов. Артисты трудились как проклятые, моя же задача была — обеспечивать их жильем и питанием. Это, кстати, удавалось мне неплохо, детдомовский опыт иногда в чем-то помогал.

***

Филармонией руководила деспотичная, пьющая, не всегда вменяемая дама, которая обращалась ко мне: «Эй ты, за ширмой», «Эй ты, там». Впрочем,

она ко всем так обращалась. Некоторые обращались со мной так же — пойди, принеси, а кто-то вообще не замечал. Но я был доволен тем, что мог выполнять важные задачи. Однажды по распоряжению этой «боярыни Морозовой» мы пригласили Клару Степановну Лучко, которую я очень хорошо знал по фильмам.

Мне даже разрешили провести с ней переговоры, и местная замуправы сказала, что надо актрису завлечь. То есть в разговоре с ней надо было приукрасить наш старый грязный карельский поезд, нашу обшарпанную гостиницу.

Я очень волновался, тряслись руки, ноги, держался глаз, горели уши — хоть прикуривай. В один из дней я набрал домашний телефон Клары Степановны.

После долгих гудков к телефону подошла она и сказала: «Слушаю». Я, как старый тюбик, выдавил из себя: «Э-э-э...» Видимо, мое «э-э-э» было тихим, и она еще раз сказала: «Слушаю». И я начал нести чепуху — что поезд у нас плохой, гостиница тоже, но обещал аншлаг. Клара Степановна сделала паузу, даже не спросив про размер гонорара, который был так себе, и сказала: «Я согласна». Я положил ватной рукой трубку, смахнул со лба пот, ошарашенно посмотрел по сторонам. В дверях стояла «боярыня Морозова». Она отругала меня, что я «плохо провел переговоры». Надо было врать, как мы это делали с другими...

Через неделю я выехал к Кларе Степановне с приглашением и авансом. А до этого ездил

целую неделю по району, возил «чес» с полупьяными артистами.

Кстати, я заметил, что часто люди творческой специальности удовлетворены тем, что делают, но абсолютно не идет у них личная жизнь. Возможно, первое становится главным, а второе вообще не важно, но со временем первое становится обыденным, а второго начинает сильно хотеться, но уже поздно. Став «народным», часто уже невозможно строить то, что на самом деле важнее аплодисментов.

Я обслуживал этих людей в первую фазу их жизни, и прекрасно видел, как из-за профессии у них западает «личка». Возможно, благодаря этому подсмотренному опыту я не пошел на сцену. Как говорил мой учитель по актерскому мастерству и режиссер Василий Серебров: «Ты, Гезалов, мог бы быть хорошим драматическим актером, только недолго».

Знакомство с Кларой Степановной поменяло мое мнение об актерах. Она была настолько цельной, что попытки увидеть в ней червоточины актерской среды не имели шанса. А то, что она впустила меня, сироту, босяка, в свой мир, было для меня просто чудом.

***

Я приехал в Москву впервые после длительной разлуки с этим городом. Когда-то, в советское время, я сбегал из Суздаля в Москву побродить. Выходил на Курском вокзале — там недалеко был колбасный магазин, где лежали разноцветные

колбасы. Я тыкал пальцем вперед, продавщица оборачивалась, я хватал палку колбасы и бежал. Когда за мной тоже бежали, я обходил какую-нибудь крупную женщину и делал вид, что иду с ней. Поймали меня один раз после длительного побега из детдома. Ночью я заснул прямо на тротуаре, положив под голову книгу. Приехала милиция на мотоцикле, посадили меня в камеру с алкашами и суточниками в наколках, с золотыми зубами, блестящими при тусклом свете лампочки. Не знаю почему, но они меня приняли, нарезали мою колбасу, налили крепкого чифирчику и завели разговор. Я рассказал все как есть — да, сбежал, да, брожу. Один из них, «самый наколистый», Николай, сказал какую-то пламенную речь и попытался объяснить основные азы понятий воровской жизни. Я давился колбасой, обжигался чаем, смотрел на зубы, в которых отражались мои глаза, и внимал тому, что говорил мне этот полусиний от наколок человек.

Утром я стал ходить по милицейской (то есть воровской), пытаюсь понять, как отсюда сбежать. Потом предложил помыть пол в коридоре, что мне позволили, сняв с меня брюки и рубашку — чтобы не смылся. Я начал мыть пол вдоль камер и остановился у двери с большой дыркой. Из нее глядел глаз.

— Эй, малец, — подозвал меня глаз.

— Че?

— Поди сюда.

— Зачем?

— Там на пороге стоит мать, возьми у нее сигареты и семечки. Половину можешь взять себе.

— Я не курю.

— Ну, тогда семечки.

Я вышел.

— Там из дырки вас просили что-то передать. Оказалось, сын этой женщины был смертник на пересылке...

Я отнес ему в дырку сигареты, перекидал по одной и продолжил мыть, озираясь — где эти со звездами на плечах? А мать стояла и стояла, и я видел, как вздрагивали ее плечи.

Я домыл до входа, поставил швабру в угол и убежал. Метрах в трехстах я обернулся — женщина продолжала рыдать, но мне надо было бежать дальше.

***

И вот я снова в Москве — суетной, с большими витринами и огромными сумками. Иду на Котельническую набережную. По дороге смотрю на памятные доски: кто только не жил в этом доме-коммуне. Консьержи долго расспрашивали — к кому приехал и чего надо. Потом позвонили Кларе Степановне, та дала добро меня пропустить. Надо сказать, что я жутко волновался.

Поднимаюсь на нужный этаж, нажимаю на звонок. Выходит Клара Лучко.

— Здравствуйте, Клара Степановна.

— Здравствуй, Саша.

Вышел Дмитрий Мамлеев. Он пожал мне руку, и меня пригласили к столу есть борщ. Во время

обеда Клара Степановна поблагодарила, что я ей не наврал, когда звал на гастроли. Сказала, что хорошо знает про поезда и концерты.

Так началась наша многолетняя дружба с этим искренним чистым человеком. Мы много говорили о разном, и так случилось, что позже, в течение нескольких лет, я приезжал только в этот московский мир. Больше никого, кроме Клары, я в Москве не знал.

***

Выступления Клары Лучко в Карелии проходили на «ура». Я сопровождал ее в поездах в Сортавалу, в Питкяранту. Мы много говорили «за жизнь». Она рассказывала о себе, я — о своем детдомовском прошлом. Она оказалась очень внимательным слушателем. И за несколько дней нашего общения смогла ответить на многие мои вопросы. Встреча с Кларой, пожалуй, после встречи с матерью, была самой важной в моей жизни.

***

Концерты дали большую кассу, «боярыня Морозова» была счастлива, мне грозила премия. И тут я совершил очередную «ошибку». Без санкций «боярыни Морозовой» поехал провожать Клару Степановну в Москву. Когда вернулся, узнал, что мне предложили уволиться.

Но это не особо огорчило меня. Я уже знал, чем буду заниматься.

На обратном пути в Москву Клара мне сказала: «Саша, а ты займись сиротами и напиши книгу о себе, ты напишешь...»

Вначале я испугался — у меня все хорошо, есть работа, хоть и нет жилья, жены, квартиры, машины. Но Клара так меня настроила, что я изменил свой вектор и решил создать общественную организацию. Важные слова тогда сказала она мне: мы живем на Земле один раз, и все неважно, кроме назначения, которое определил Господь.

***

Было страшно уходить с этого места, отсюда ведь уже можно было выйти в «люди», натянуть дорогой галстук, сделать прическу «а-ля Питт» и жить иначе. Шаг назад — это весьма сложно. От сытой жизни к приходской столовой. На долгие десять лет, на долгие-долгие дни, потому что общественная работа — это каждый день вариться в жизни других людей. Входить в новую воду без оглядки на ресурсы.

Часть II

Общественник

***

С чего начать общественную работу? Сначала скажи, кто ты и откуда, тогда я тебе отвечу. Прежде чем помогать другим, стоит помочь себе. Сначала сам стань достойным того, чтобы помогать кому-то. Брось жаловаться на дурную судьбу, преодолей ее, вытяни себя за волосы из болота, тогда только и веди за собой таких же бедолаг. Иначе потонете вместе.

У меня не было плана, с чего начать, как заниматься детьми в детдомах. Но что-то внутри, что-то, что близко к сердцу, двигало, и дело шло. Я разговаривал с сытыми, хорошо одетыми и довольными людьми. Получив «речевое образование» в культпросвете, я выступал перед каждым встречным с пламенной речью, рассказывал о том, как трудно детям-сиротам, приставал с обращениями. Внимали не многие. Частенько я останавливал человека на улице, чтобы задать ему вопрос. Помню эти большие глаза: что за псих в старых ботинках берет интервью? Одежда была на мне из секунд-хенда, я выглядел как

больной, и мне все сходило с рук. Чаще всего люди давали односложный ответ или показывали, как куда-то пройти, хотя я говорил совсем о другом. Так я приставал ко всем около года, говорил с вахтерами, воспитателями общежития, подвыпившими знакомыми. Пару раз хотелось все бросить, ибо участия и понимания в глазах я почти не читал.

Знакомые и друзья говорили: «Ты сошел с ума? Зачем тебе это?» Я резонно отвечал: «Не знаю». Только двое — Рома Гольцев и Вадим — сказали: «А почему бы и нет?»

Я ходил по городу, пытаюсь наладить связи. Кто крутил у виска, кто крестил.

Но я продолжал.

В 1999 году, ничего в этом не понимая, я стал собирать документы для создания общественной организации, которая могла бы помогать всем нуждающимся.

***

Вопрос «А вы кто и от кого?» в России традиционен. Если ответишь: «Да ни от кого, от себя», тут и начнутся проблемы. «От кого-то» проще и надежнее, но я ходил по меценатам и чиновникам от самого себя. И значит, надо было преодолевать и себя, и их. Если у тебя нет связей, а есть только желание и совесть — этого мало. Это потом я понял, что нужен сиротский бренд (или бред), тогда примут, всплакнут и дадут. Но наш народ особый, он любит, чтобы сначала была охота, потом у стола цыгане, потом щедрая рука швыряла банкноты

и ассигнации в толпу. У меня не было ни цыган, ни охоты, ни борзых. У меня было только страшно интересное прошлое.

***

Недоверие людей можно понять: они уже никому не верят. Бывает, что вроде договоришься с меценатом о помощи проекту, вроде уже получишь согласие, и вдруг вопрос в спину: а вам-то зачем все это? Приходится возвращаться и начинать все заново, вытягивать крепко засевший якорь недоверия. А время уходит.

Сталкивался я с разными криминальными авторитетами. Единомышленников среди них не нашел. Может, это и хорошо. Зато были качественные недруги. Этими я обзавелся прочно и надолго. За что им и благодарен.

***

Я изучал места, где живут те, ради кого я все это затеял. Посещал детские дома, интернаты, СИЗО и приюты. Перво-наперво следовало изучить директора учреждения. Воспитанники детских домов очень наблюдательны: кто приходит к ним, что у него в руках, в голове и душе? Директора — народ пугливый, боятся несанкционированных контактов. Они мне мило улыбались, говорили, что все у них замечательно. И выражение лица у них было кислое, хотя и снисходительное. Сейчас я со многими из них дружу. А тогда они рассказывали мне, как кто-то уже пытался создать подобную общественную организацию, но не

смог: трудно. Потом я ходил к чиновникам, сидел в коридорах власти, смотрел, запоминал, кто в какой кабинет заходит, кто с кем дружит, кто как говорит — это ж целый спектакль. Принимали по-разному. Я жарко рассказывал о трудностях детей-сирот, меня охлаждали чаем, обещаниями, однако на второй встрече переспрашивали: «Вы к кому?»

***

Однажды наведалься к директору одного интерната. Собрали сотрудников, перед которыми я выступил с пламенной речью. Все переглядывались с улыбкой, кто-то зевал, им было скучно, это всегда скучно — чужие дети. Плохо одетый парень уговаривал хорошо одетых тетю и дядю начать новое дело без денег и помощи. «Шура, я куплю вам парабеллум», — примерно так я выступал на публике. У меня тогда еще была разбита в драке рука, и это, конечно, выглядело смешно. Приходит человек с разбитыми кулаками и говорит, что сейчас будет что-то менять...

В России теперь трудно что-либо начинать без денег, одним желанием, но еще труднее понять, как оно получается у других. Именно в этот момент я вспомнил «Мертвые души» и прикинул, что люди могут числиться в организации формально.

Так родилась общественная организация «Равновесие». Вписав всех присутствовавших в протокол, по сути, без их ведома, я решил больше людей не тревожить, а начать дело своей жизни

с тем, что есть. И вот уже много лет дело живет, хотя кадров так и не хватает. Сейчас-то я понимаю, что не всегда количество — это качество. Но прав был Чичиков: чем больше у тебя душ, тем ты выше и виднее.

***

Самое трудное в общественной работе — найти тех, у кого есть средства для реализации планов. Кто они, где живут? Может быть, на деревьях?

Тернистый путь начинается с секретаря, который тебя оценивает внешне: какие-то оборванцы пришли к директору, это еще зачем? Преодолеть секретарский кордон — большое искусство, тут важна не только шоколадка, но и первый вопрос. Секретари конца 90-х годов чаще всего были членами семьи руководителя. Своих боссов они защищали яростно, до последнего патрона. Разговор начинался традиционно: «Вы кто?» Ответ должен был сразить стража наповал. Главное — проявить себя как личность через юмор, легкость, свежесть. Можно произнести нечто оригинальное, пусть и не имеющее отношения к просителю. Тогда железная леди рассмеется или по крайней мере игриво улыбнется, наклонив голову. Это победа.

Научившись преодолевать блокпосты, я получал доступ к телу.

Тела чаще всего встречали не вставая. Они только указывали, на какой стул можно сесть. Но я всегда садился на другой, это удивляло: как это я не подчинился? Тогда мы начинали разговор.

Когда я понимал, что встреча будет бесплодной, я незаметно прятал чайную ложечку в карман. Чтобы не было ощущения неудачи... Типа не зря ходил. Очень тонизирует. У меня этих ложечек набралось штук 20, пока я, наконец, не понял одну простую вещь: не надо просить денег — надо предлагать сотрудничество.

***

Редко когда разговор был скор. Человеку в кожаном кресле нравилось говорить о том, с чем он лично не сталкивался, но где-то читал. Иногда это заканчивалось тем, что человек оказывал конкретную помощь. Иногда все ограничивалось художественной прозой. Помню, был разговор с одним очень важным лицом. Сначала он заявил, что у него всего пятнадцать минут, однако мы проговорили четыре часа, несмотря на то, что он то и дело напоминал про эти пятнадцать минут. Общение с людьми, от которых ожидаешь помощи, — очень хороший опыт. Хотя отказ гарантирован в 90 процентах случаев.

Те первые чужие деньги для «чужих детей» — самые соленые и памятные.

***

Потом народ ко мне попривык, уже смотрели спокойно, говорили комплименты типа «все у вас получится», «да-да» или даже трижды: «да-да-да» и одно «нет». Когда машина закрутилась, многое стало мне понятно. Знакомства ни к чему не привели, однако кое-что прояснили. Важно

просто делать свое дело, тогда любая чешуйчатая ложь отскочит сама собой. Очень люблю «Балладу о правде и лжи» Высоцкого. Вот, сейчас поставлю...

***

Сначала было изучение, встречи, переговоры — чистый маркетинг. Многие общественники не умеют разговаривать, считают, что все и так должны их слушать. Особенность общественников в том, что они входят в конфликт, а не борются с конфликтами.

Я не шел на конфликт, предлагал правильные кейсы, потому что обиженный человек мне уже не партнер. Но были люди, с которыми нужно было идти на конфликт.

Конфликт нужно свести к результату.

По маркетингу все было четко — собрал директоров, воспитателей, самих выпускников.

Директора сказали — идиот, воспитатели сказали — пусть, выпускники сказали — ну нафиг.

Приходя в детдом, я видел, что дети часто принимают меня в штыки, шушукаются за спиной. Меня спрашивали, как мне удалось это переломить.

Есть несколько путей войти в систему. Первый — напролом, второй — за счет профессионализма, третий — статуса. Я всегда шел третьим. Система работает очень просто. Если ты дружишь с директором, все дружат с тобой. Если ты испортишь отношения с директором, он испортит тебе отношения со всеми.

***

У «Равновесия» не было ни офиса, ни телефона, ни статуса — ничего, что могло бы способствовать росту организации. Свои первые материалы я делал на довоенной печатной машинке. Писал статьи, составлял планы, отмечал интересные мысли и все это складировал в ящик, мотаясь по съемным квартирам или ночуя прямо в магазине, в котором работал. Все свое носил с собой. Тогда мне пришлось устроиться на три работы сразу, чтобы хоть как-то нормально выглядеть, купить одежду, туалетную воду.

Время шло, а офиса и телефона не было. Но главное — было ДЕЛЮ. Позже мне выдали разрешение на один подвал, где я хотел организовать республиканский центр для детей-сирот «Маяк». Удалось уговорить ряд предприятий помочь сделать капитальный ремонт — я ходил и просил краску, линолеум, гипсокартон, гвозди.

Помогали друзья, с которыми я играл в футбол в одной команде, директора строительных предприятий, и все вроде бы шло гладко. Но тут мэр Петрозаводска, которого я постоянно третирил в СМИ по поводу заброшенности детей-сирот, отобрал у меня помещение за неуплату аренды: все средства ушли на материалы (сегодня этот мэр, кстати, у меня в друзьях в фейсбуке). А деньги были потрачены немалые, хорошую машину можно было купить, только в нее дети-сироты вряд ли бы поместились. Начались арбитражные суды.

Оставив арендованное помещение, я пришел к тому же директору интерната, что принимал меня в первый раз, и упросил дать мне бывшую лыжную комнату — разрушенную, разбитую. И опять я пошел по людям, просил материалы, средства, искал тех, кто бы мог отремонтировать помещение — маленькое, но свое. И вот вскоре открылась столовая для тех, кто живет на улице, был установлен десятиметровый «Крест памяти» на месте расстрелов в 30-е годы, организованы поездки в колонии, СИЗО, детские дома, приюты. А власть продолжает жить по своим, только ей ведомым законам, и не мешать она просто не может. Не случилось у нас любви с властью, не подошла мазь, лыжи отношений скользят плохо. Мне б они только не мешали! Ведь я их всех люблю.

***

Потом я решил строить храмы. До сих пор не могу понять, откуда у меня появилась эта мысль. Я ведь тогда даже крещеным не был. Да и вообще наполовину азербайджанец. Потенциальные меценаты, которым я и так уже глаза намозолил, в тот момент решили, что я окончательно рехнулся. Но лед тронулся. Как только люди стали жертвовать на храмы, они стали помогать и детям.

***

У меня толстая трудовая книжка. И я понял, что социальный статус — не самое главное. Я отказался от внешней успешности, почувствовав воздух успеха. Я вернулся на дно — стал работать

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

сторожем, потому что совместить все невозможно, было много черновой работы. Поменялся ритм, запросы. Стал питаться в приходском доме. Не жалею.

Не врать, не воровать, не подыгрывать, не смотреть, что делают другие.

Я ценил весь мой имеющийся капитал: хорошее социальное прошлое. Я закончил театральное училище, работал в маркетинге. Я автономен. Минимизированы вредные привычки. Хорошая работоспособность. Господь толкнул меня — иди, а там разберешься.

***

Когда я приходил в следственные изоляторы, сначала меня не пускали, я стоял три часа на морозе под камерами. Потом снова приходил, и так несколько раз. Я достоялся, меня впустили в СИЗО. Настойчивость берет города.

Просто я знаю, что тем, которые сидят в СИЗО, — им хуже, чем мне, стоящему на улице. Они сидят в камере и у них там полная задница. Я должен был доказать системе, что мне это надо, значит, я буду стоять до тех пор, пока вы меня не впустите. Мы вместе много чего сделаем, и я подожду.

Первый этап — меня раздели догола, проверили, не принес ли я сигареты или еще чего запрещенное. Второй этап — мне говорили: добрый день, Александр Самедович. Третий — выдали специальный пропуск. Четвертый — когда я входил, все вставали. Потому что приходит не

какой-то чиновник, а человек, который реально что-то меняет.

Первое, что изменилось, — я делал обход как председатель попечительского совета. Ходил туда каждую неделю. Сорок камер. Я исследовал проблемы, о которых система знает, но объявить не может. Не хватает ресурсов, и есть страх.

В системе нет агрессии — есть непонимание, незнание, неуверенность, боязнь.

Один из приемов работы общественника — отсмотр людей, кастинг. Когда ты ходишь по кабинетам, ты выискиваешь человека, который отзовется. И если среди десяти полковников ты нашел двоих, то у тебя будет успех. Я нашел троих. Троих, с которыми я потом стал работать. Это начальник воспитательного отдела, руководитель следственного изолятора и заместитель руководителя уголовно-исполнительной системы.

Со всей системой одновременно работать не получится.

Таких систем много — тюрьма, детдом, больница.

***

Самым трудным пунктом для меня было строительство в следственном изоляторе часовни. Девять лет я этого добивался. Девять лет приходил регулярно к начальнику, говорил, пил чай, но ответ был: «Александр, нет, время еще не пришло».

Уже потом, когда мне при девятом начальнике удалось построить часовню, через год он позвонил и сказал: «Саша, у меня на шестьдесят

процентов преступления в камерах сократились». Начальник — мой друг — Заблодский Иван Иосифович.

Потом пришла проверка пожарная, говорят — убирайте часовню. Начальник сказал — нет, не уберу. Перенес ее в другое место, теперь она стоит в огороде СИЗО.

Девять лет для маленькой часовни...

***

Еще мы строили большой храм для глухих детей.

Некрещеный, не понимающий в таинствах, я пришел к митрополиту Мануилу и высказал свою идею. Он спросил, кто мой спонсор. Было это по-мальчишески — никаких спонсоров, только желание. Но он, вздохнув, подписал прошение, и я стал ходить по храмам, искать людей — кто бы помог. Я нашел батюшку, у которого было архитектурное образование. Я — неотесанный общественник с горящими глазами и он — скромный тихий священник, отец Константин.

Со слов отца Константина он, получив мою визитку, сразу подумал — бред. А увидев меня, подумал, что я похож на сумасшедшего. Вопрос я задал ему соответствующий: «Будем строить церковь?» Уже потом, в процессе строительства, я понял, что идея возведения храма в центре города — действительно нелепость и бред, теперь я сам скажу это любому. Однако отец Константин начал сотрудничать со мной, и уже в первый год нам удалось сделать рабочий проект, согласовать место для будущей церкви. Второй год был

очень сложным, состоялись непростые встречи с теми, кто мог помочь нам построить храм. Я бегал по инстанциям — по сорок организаций в месяц. К концу следующего года был готов фундамент. Через год появился сруб. А еще через год, в 2004-м, храм освятили и в нем начались службы.

А в 2001-м, в 33 года, я крестился. Вместе со своей дочерью.

***

Все говорили — что за голодранец вышел из кустов, ничего у него не получится. Но, видимо, Богу было это угодно и нужно.

Храм в честь Иоанна Богослова, покровителя детей, был построен рядом с детским учреждением, где живут глухонемые и дети с нарушениями речи, они — главные прихожане. Для них идут службы с сурдопереводом. Мне радостна мысль, что дети идут к Богу, и Он их принимает.

***

Я принес фото с храмом патриарху Алексею.

— Ну, Александр, ну, ты даешь...

Через два года мне дали орден. Как сказали — они за мной наблюдали. На обороте ордена было написано — «Смирение возвышает».

***

Пока стоял у забора СИЗО, я много о чем думал, фантазировал — вот это мы сможем, а вот это не сможем.

Когда все состоялось, на меня полетели награды, всю грудь утыкали.

Тут же появилось мнение — он работает за награды. Интересно, кто-нибудь будет стоять под камерами девять лет на морозе ради какой-то там цацки?

***

Мои друзья — Дима и Дима из Финляндии — подарили первую в моей жизни старенькую машину, чтоб я мог объезжать свои социальные владения.

Чем хороша провинциальная благотворительность — все знают всех. Ментальность народа такова, что словами имя не заработаешь, только делами. Вот строится храм, вокруг пятьсот человек, и эти пятьсот остальным расскажут. Появится цепочка. Это не проповедь, это дело.

В Петрозаводске мне удалось сдружиться со многими журналистами, которые проникались сиротскими проблемами — Алла Белозерова, Денис Ваганов (который из-за травли журналистской братии ушел в мир иной)... Я помню, однажды мы с Денисом по заданию главного редактора «МК» в Карелии» давили банки из под пива, чтобы узнать, чем живут городские бездомные. Так интересно — насобирать на тридцать рублей этих банок...

Все отзывались и никогда не говорили «нет». Потом, уже в Москве, я понял, насколько в маленьких городах проще заниматься благотворительностью.

Тогда же, благодаря одной из сотрудниц училища, я попал на бесплатное обучение в Петрозаводский университет на социальный факультет. Времени учиться было немного, зато я читал там лекции о том, как помогать. Все это оказалось очень важным.

Вы-то, Александр — ПТУ, вам простительно. Нет уж, вот, смотрите, непростительно...

***

Встречаясь с бизнесменом, я уже в начале разговора знаю — будет ли он участвовать или не будет. Видно человека по поведению, по разговору, по манере. У меня нет задачи добиться результата любой ценой. Моя задача — если я вижу гражданина, партнера, мы будем что-то делать вместе, нет — ну, давайте подурачимся, анекдот расскажем, посмеемся и разойдемся.

Общественник суетится очень много, в этой суете часто нарушаются балансы взаимодействия с чиновниками. Харизма не всегда полезна, харизма иногда злит. Потому что если та, с кем я общаюсь, «тефтеля», а я прихожу такой весь харизматичный, толку не будет.

Часто я использовал технологию чаепития. Я знал, что в час у них чаепитие, приходил с коробкой конфет, а они — ой, Саша, заходи. Расстелили, за время чая все обсудили. А другие общественники бегают, решая — можно, нельзя, ждут, когда будут семинары, круглые столы, а я все уже решил. Они потом бьются — Гезалов, собака, успешный. Мы с кучей администраторов, у нас

ничего не получается, а эту сволочь все любят, все знают. А я просто нахожу время и место, где можно быть своим человеком.

***

Как это часто бывает, хочешь сделать что-то полезное — строй в глуши, подальше от глаз.

Отношение ко мне в Петрозаводске было странное — я никого не трогал, не врал, не воровал. Но натыкался на слова — этот детдомовский выскочка уже достал своей активностью.

Однажды в газетах пошли слухи что, мол, Гезалов проворовался. Как потом выяснилось, написал кто-то из общественников за мою попытку построить Центр дневного пребывания. Одна газета написала, что «вор Гезалов еще на свободе»... Я ходил по городу, и знакомые спрашивали: «А правда, что ты украл деньги со строительства Центра?» Когда обстоятельства были выяснены и я оказался чист, некоторые, в том числе та газета, отказались писать опровержения.

Это очень сильно ударило по моей репутации...

Тогда я понял, что благотворительность может не только окрылять или удовлетворять.

Но, видимо, время лечит.

***

В детские дома везут диваны, столы, другую мебель и технику. Что они делают — понятно, а что Гезалов делает — непонятно.

Чтобы это понять, нужно посмотреть фильмы, почитать мои книги, встретиться со мной, но они этого не хотят. Недавно встречался с одним предпринимателем, и он сказал — я не дам тебе денег. Знаешь, почему? Потому что у тебя все нормально. А мне, успешному, давать тебе, успешному, как-то неудобно...

Есть социальные группы, которым народ сбрасывается, потому что существует страх. Все мы смертные, и социальная группа «больные-хосписы» собирает огромные деньги. На сирот дают меньше. Получается некая градация: на осужденных не дают, они должны сидеть в тюрьме; бомжи — виноваты сами; на сирот — где их родители; собаки кусаются — их выгнали хозяева. А умирающие — тут никто не виноват. Вывод: чтобы что-то подали, нужно умирать.

Но ведь и бомжи умирают, и зэки умирают.

У нас только 20% пожертвований — от граждан. Остальное — сбербанки, гранты, компании — та большая махина, которая у нас же деньги и собирает.

В Америке наоборот — 85% граждане и 15% — государство.

***

Как-то я попытался достучаться до сердец студентов и преподавателей социальных отделений институтов, техникумов, училищ, университета. Зам по воспитательной работе собрал всех в зале. Мое выступление длилось около сорока минут, народ молчал, вопросов не задавал, смотрел

в стенку. Я уходил, оставляя за собой гробовую тишину. Будто их посетил гробовых дел мастер Безенчук и всех измерил. Однажды я собрал весь коллектив педагогического колледжа, но опять мое выступление не произвело впечатления, жаль. И я опять ушел в тишине. Меня нагнал стук чьих-то каблучков, дама лет тридцати извинилась за весь коллектив, но при этом шепнула, что на днях они так же завалили организацию инвалидов. И густо покраснела... А однажды я прослушал доклад в одном из интернатов. Преподаватель, доктор наук, рассказывала, как волонтеры работают с детьми-сиротами. Это дама была как раз из того самого колледжа. Мне тоже пришлось выступить, так как она открыто врала, подменяя понятие студенческой практики волонтерской работой ее студентов. Она сидела красная, и весь зал краснел. Так у нас в России врут доктора наук, потому что нужен отчет о добровольческой работе с сиротами. Врать престижно. В процессе выступления досталось и мэру, и воспитателям, и всем, кто отвечает за детей-сирот. Конференция благочестия и чистоты превратилась в сечу. Кому хочется слушать правду о своей плохой работе? Именно тогда, устав взывать и просить, я решил работать один, привлекая таких друзей, которым не надо ничего объяснять.

***

Согрешу, если скажу, что меня не волнует, что думают мои подопечные. Но мне никогда не хотелось сесть в кресло депутата или чиновника.

Мое лицо сейчас частенько мелькает на экранах телевидения и в газетах, однако я вовсе не тешу самолюбие, я просто хочу быть по-хорошему узнаваемым. Социально ответственное лицо детей-сирот, полномочный их представитель. Благодаря этому теперь можно решить вопрос по телефону, помочь с пропиской, одеждой, продуктами, отправить на учебу в вечернюю школу. Ко мне часто приходят люди, иногда просто за деньгами, одеждой. Я пытаюсь убедить их изменить свое мироощущение, избавиться от чувства ненужности. Иногда это получается.

Я не могу остановить смерть. Все остальное решаемо.

***

В чем основная трудность людей, которые помогают другим? Они устают. Для того чтобы не уставать, нужно отдавать так, чтобы у тебя не оставалось энергии. Не надо ее беречь, не надо делать запасов из любви и доброты. И выгорания не будет, и люди будут тебя чувствовать, и завистников у тебя будет меньше.

Неизвестно, насколько хватит моей лампочки. Но я живу так, что мне не стыдно смотреть в глаза другим людям.

Как много сверху неба,
Садов и гнезд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних.
О, как я поздно понял,

Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

Н. Заблоцкий

Тогда я не думал, что могу что-то оценить, одна встреча за другой, одно предательство за другим. И только сейчас я понимаю, что все это — от Создателя.

***

Я вышел из детдома, и про меня сказали — этот сядет. Все сели. Я не сел.

Меня часто спрашивают — почему ты состо-
ялся? Я был всегда свободен — от условностей, от
клейма. Любое прошлое полезно — в концлагере,
в детдоме, в курятнике. Мне помогали очень хо-
рошая память и наблюдательность.

Даже если в ворота жизни забито сто голов,
еще целый тайм впереди. К счастью, у меня есть
ощущение жизни. Не надо бояться ошибиться.
Улыбчиво и великодушно дарить себя другим —
это тоже вложение. Все вернется, но в ином ка-
честве. Людской род я достаточно разглядел на
эскалаторе судьбы, когда мимо текли рекой раз-
ные люди. Я подсматривал за ними и познавал.
Как это интересно — наблюдать за людьми, за-
поминать и держать их в памяти, анализировать,
как и чем они живут. По сути, вся жизнь — толь-
ко вдох и выдох. Но Господь щедр, и мы вдыхаем
жизнь. Для тех, кто видел в жизни только стену

детского дома или забор с колючей проволокой, это тем более важно. Для преодоления себя не имеет значения, сколько тебе лет.

Неличная личная жизнь

***

Что такое личная жизнь? Привязанность к бытовым приборам, мягкой кровати и ножу для хлеба за сто долларов? Или теща, живо интересующаяся, как живете, что жуετε и что у вас в мусорном ведре?

Моя первая семейная жизнь не получилась по многим причинам. Как сказал один приятель, общественники долго не живут, и он был прав. Мне трудно объяснить, отчего я не бросил все ради семьи. Как мне кажется, гражданская позиция — это, по большому счету, не сохранение семьи как таковой, это просто жизнь ради других. Может, я не прав, но это-то и стало камнем преткновения. Мне звонили домой, просили помочь, моей половине это не нравилось. Но если человек стоит на окне восьмого этажа и просит поговорить с ним, могу ли я ответить: «Прости, я весь в семье»? Мы с женой общались на повышенных тонах, пытаюсь достучаться друг до друга, и однажды мне сказали, что со мной невесело.

Я понял, что невесело не со мной, а с тем, чем я живу, с чужими бедами и проблемами. Что ж, это действительно малоприятно. Я забрал пакет

с вещами, компьютер — и ушел. Обиды нет, злости тоже, хотя дочь растет при чужом дяде. Остался опять же опыт — «сын ошибок трудных».

Иногда мне говорят, что дела надо оставлять на работе, но ведь жизнь — это самая главная наша работа. Надо этот Божий дар отрабатывать. Или мы все нахапанное утащим на тот свет вместе с тапочками?

***

Мне даже театральное училище не помогло строить отношения с девушками. Мать моей первой дочери не знаю почему заметила меня... Долбаное детдомовское прошлое достает тебя. И сейчас достает, но тогда это было каким-то трэшем.

К тому же когда открывают твой паспорт, а там нет прописки, и ты не крутишь на пальцах ключи от машины, — это понижает твой статус.

Но моя нынешняя жена Анна не посмотрела на это и подарила троих детей. И прописку, кстати, тоже.

С женой я познакомился интересно. Один мой друг просил меня о консультации. Я отбивался со страшной силой, но потом согласился. Звали его Сашка Шумских. Я приехал к нему и там на чемодане обнаружил свою жену.

Анна — человек спокойный, ровный, тихий и домашний. Типичная московская барышня с двумя «вышками», с папой — доктором наук и мамой — кандидатом тех же наук. Не знаю, что она тогда нашла во мне, случайно приехавшем

в дикое заброшенное Колодозеро, что за Пудожем.

Помню, тогда мы сидели за большим деревенским столом, вокруг были разные люди из разных городов. Я не ставил перед собой задачи с кем-то знакомиться: возраст был достаточно «солидный», ну и вообще. Но когда Аня взяла гитару и стала петь — решил попробовать пойти на штурм. Разговоров практически не было. Перед отъездом я и еще несколько молодых людей, распахивая друг друга, попросили у нее телефон.

Наше общение продолжилось виртуально в «аське», постоянно что-то обсуждали, спорили, ругались.

Я периодически бывал в Москве, захаживал в гости. Тут на белом коне, вернее, на двух конях, появились Анины родители. Через некоторое время папа слез с коня, мама нет... И опять наружу всеми своими щупальцами полезла детская несостоятельность. Человеку без корней, без прошлого, без содержательного семейного гнезда крайне сложно доказать, что ты вроде ничего.

Сначала я расстроился, привычные грабли встали на свое место, но так как на лбу уже давно образовалась для них лунка, весьма вместительная, с красивыми ровными краями, в этот раз решил не отступать. Хотя, как я потом узнал, жене досталось гораздо больше. Аргументы: что ты делаешь, зачем тебе это надо, с кем ты связываешься, ты сошла с ума, возьми себя в руки. Но прессинг в течение долгого времени так ничего и не дал. Не добившись благосклонности родителей,

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

жена была вынуждена уехать со мной в Карелию. Жилья у меня тогда не было, я жил в скромном офисе около построенной церкви. Сначала мы ютились там, потом случилось очередное совершенно непонятное...

В один из вечеров я вышел на улицу посмотреть, как работают фонари возле храма. И вдруг встретил своего давнего знакомого, прогуливавшего собаку. Время было позднее, мы удивились, увидев друг друга. Юрий спросил, что я делаю так поздно в этом месте, я ответил, что живу с женой здесь, в маленьком офисе. На что он просто предложил жить в его четырехкомнатной квартире.

Да, чаще люди, услышав о проблеме, в ответ либо качают головой, либо поднимают к потолку брови, как бы зажимая свое умение предложить. Умение предложить себя — это показатель внутреннего устройства, это не всем дано...

***

Еще до свадьбы Аня повезла меня в горы, на Домбай — она оказалась еще и горнолыжницей. Когда подъемник доставил нас на самую высокую точку Домбая, гору Мусса-Ачитара, Анна легко скользнула на лыжах куда-то вниз и исчезла. Мне, впервые вставшему на горные лыжи, делать было нечего, я покатился следом. Как ни странно, я быстро приноворился к спуску. И вдруг в какой-то момент увидел, как наперерез мне несется человек. Похоже, он впервые, как и я, встал на лыжи. В последний момент чудом я смог развернуться, и хотя мы все-таки столкнулись — но без

серьезных последствий. Я помню, как лежал на снегу, задрав вверх лыжи, мужик лежал рядом, я смотрел на горы, высокое небо и радовался, что остался жив.

Как оказалось, это было частью проверки, которую устроила Анна. Следующим испытанием был поход на байдарках. Максимум, что я знал, — это как маневрировать надувной лодкой: научился этому, когда служил на флоте.

Мы взяли палатки, спальные мешки, каны и вышли в одно из Карельских озер. Через какое-то время рванула гроза, мы оказались посередине этого самого озера, ударили по веслам, высадились на берег и две недели жили тем, что было под рукой. Жена посматривала за моими умениями — добыть грибы, ягоды, какую-то там траву...

В общем, некий экзамен был пройден. Мы вернулись в Петрозаводск и подали документы в ЗАГС. Потом были свадьба и венчание. Свадьба без водки и драк. На берегу озера Сандал. С песнями — под гитару и гармошку.

***

Я был на родах первого сына Федора. Местный роддом меня поразил. Старое здание напротив филармонии, где я работал, отсутствие сидений на унитазах. Я купил упаковку сидений. Администрация, конечно, от них отказалась, я потом снабдил ими следственный изолятор.

Федор родился восемнадцать часов, акушерки вели себя странно, я их гонял, чтобы помогали

жене в ее родовых делах. Наконец, поздно ночью, сын родился.

Когда я уходил, охранница сказала мне какое-то хамство — мол, делать нечего мужикам — по роддомам шастать. Я улыбнулся, подарил ей конфетку и счастливый вернулся домой.

***

На свадьбу нам подбросили немного денег, и мы купили столетний дом-ветеран в деревне Педасельге под Петрозаводском. Свой дом. В нем до нас жил привычный деревенский алкоголик. Пришлось самому взяться за ремонт — отремонтировать окна, стены, пол, сделать колодец.

Так как жена была из Москвы, про нас говорили — москали понаехали. С нами не общались.

А мы задумали на деревенском заброшенном кладбище строить часовню. Жители ходили мимо, и кто что говорил — кто одобрял, кто ругал. А были и те, кто помогал.

Когда мы вырезали главку большими жестяными ножницами, разговоры сразу прекратились. То ли крест, вставший над деревьями, повлиял, то ли русская боязнь...

Конечно, реакция была разной. То местные алкоголики приходили к нам и пытались поговорить о буддизме, несли ахинею, то один хотел повенчаться с лежавшей в кустах собутыльницей...

Однажды договорились с одним алкоголиком, что он напилит досок для часовни. Наутро не было ни досок, ни пилы, а мужика я обнаружил лежащим у магазина. Видимо, он бессознательно

продал и то, и другое. Я ходил по деревне и спрашивал, не видел ли кто пилу и доски. Уже потом, на освящении, ко мне подошли люди и отдали и пилу, и доски — они их куда-то уже прибили, кажется, в туалет.

Потом случилось удивительное — народ стал потихоньку ухаживать за могилами на неухоженном старом кладбище. Люди как будто осознали, что надо что-то делать... Главное — начать.

Кстати, я заметил, что именно на кладбищах люди умнеют и прозревают.

***

Часовню помимо местных нам помогали строить дети из спецшколы — приезжали на автобусе и работали наравне со всеми.

Ну, а потом пошло-поехало — стал приезжать священник — отпевание, крещение, венчание. Жизнь наладилась.

Жители стали опекать часовенку, а у нас под дверью стали появляться кабачки с огурцами.

Я сейчас иногда бываю в своей деревне Педасельге, вижу, что они заботятся о часовне, чистят подсвечники, поливают цветы.

Главное — начать.

***

Через пару лет жена родила Тихона. А в душе тещи наступила весна. И она, как снеговик, растаяла, потеплела ко мне. А может, родители Ани захотели, чтобы внуки были рядом...

В общем, через год мы переехали в Москву.

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Но до сих пор, живя здесь, я не чувствую себя в полной мере жителем этого мегаполиса. Внутренне я живу в Карелии.

***

Потом на свет появилась дочка Груша. Она же Аграфена, она же в крещении Гликерия. Девочка с золотистыми волосами, с зелеными глазами, единственная в нашей кареглазой семье.

А моей старшей дочери скоро стукнет двадцать два. Беспощадная река времени утащила куда-то двадцать два года.

***

Надо сказать, что я ощущал некую потребность в Москве. Не потому, что я люблю этот город, а потому, что мне хотелось поправить что-то в теме сиротства на более высоком уровне. Но без московской поддержки, каналов, связей это сделать было невозможно.

Москва — это не Петрозаводск. Это я понял сразу. Москва — город сытый, и то, что ты делал в бедной Карелии, тут не прокатит. Было трудно. Московское благотворительное сообщество как-то не очень меня приняло... К тому же жизнь общественника сложна, он не имеет таких ресурсов, чтобы не думать о завтрашнем дне. А моя трудовая книжка лежала с последней записью «посудомойщик». Без бумажки ты не Сашка...

Но через некоторое время, в том числе благодаря интернет-журналу «Филантроп» и его

редактору Матвею Масальцеву, меня стали звать на каналы, в другие издания...

Важно удержаться и сохранить равновесие. Так называлась и наша организация в Карелии — «Равновесие». Жаль — кто-то перед отъездом разбил вывеску над офисом...

***

Как строится мой день? Начинается обычно с того, что жена ворчит, что я сижу с утра в фейсбуке. Мы завтракаем вместе, детей развозим в садики, потом я еду на молочную кухню, получаю питание, потом какое-то время общаюсь с женой. И ухожу. Куда я ухожу, я еще не знаю. Есть определенное внутреннее видение, что я не доделал вчера, какие есть заявки на сегодня. Но в целом нет такого жесткого графика. Я не борец, не доброволец — я просто живу. Все зависит от загруженности, в один день бывает до пяти переговоров плюс заседание. Когда есть свободное от переговоров время — вывесил информацию на сайте, написал статью, покомментировал в фейсбуке, ответил на звонки, кому-то позвонил. Весь день посвящен контактам.

Москва — город большой, тут много людей. Но найти тех, кто готов идти с тобой вперед, — трудно. Были те, кто помогал с выгодой для себя, кто-то предавал. Но я продолжаю заниматься тем, чем занимался...

Мне часто снится детский дом

***

Мне часто снится мой детский дом, хотя я покинул его стены больше двадцати лет назад. Сплю нервно. Во сне вижу еще живых своих товарищей, читаю, глажу свою школьную форму. Являются мучители-воспитатели, сон мой нервный, но покаянный. Моя жизнь перевалила через экватор, хочется пожить для себя, но стоит только лечь спать, как я попадаю в детский дом и встречаю «глаза одиночества». Тут же мысль пожить для себя испаряется. Очень трудно жить на тех условиях, которые диктуют обстоятельства, но так честнее.

Я ищу своих товарищей, брожу по интернету, размещаю фото, обращения, я готов выслать им деньги, только они б нашлись. Тишина.

На днях позвонили с Первого канала, хотят, чтобы я рассказал о детском доме, как прошло мое детство, юность и так далее. Я думал, что мои воспоминания волнуют исключительно меня. Так трудно каждый раз вытягивать эту занозу... Но я готов вспоминать ради тех, кто этого не пережил. И дай Бог, чтобы с ними не случилось первой части этого повествования — соленого детства, которое застряло в моем сердце вечной занозой.

***

Вспоминая своих братков из детдомовского прошлого, понимаю, что до сего дня дожили единицы, — те, кому удалось соскочить со скользкой

дорожки. Прочих или застрелили, или сожгли, в общем, народу полегло немало. Незадолго до смерти Александр Пантелеев сказал мне: «Марадона, — так он меня называл, — я не знаю, что из тебя получится, но видно, ты много чего добьешься. Главное — будь собой». Через месяц его расстреляли перед подъездом на глазах у матери.

Быть собой... Молодежь начинает искать себя, а находит нары или могилу. Печально. Как объяснить, что жизнь можно потратить не на уличные бои, а на что-то полезное? Как молодому человеку разглядеть самого себя? Но ведь рядом с ним взрослые люди, мамы и папы, его проводники в будущее! Как часто только после трагедии родители вспоминают, что чего-то они недодали своему чаду...

***

Недавно был в Суздальском детском доме, откуда когда-то вывалился неуклюжим и кривоногим. Захлестывают воспоминания: вот я вижу разбитые окна, балки, на которых меня пытались повесить, вот пруд, высохший, неживой. Правее, на месте сарая, сожженного старшими мальчишками, высятся те самые домики, откуда летели камни таких же, как я, насельников.

Время умеет сгладить, обволочь, как волна, теплом, и вот уже со своими детьми я приезжаю туда, чтобы показать, где прошло мое такое странное соленое детство.

***

Довольно часто я бываю в детдомах. На днях обнаружил там мальчика, который замечательно играет на фортепиано и пишет стихи. Я тоже писал стихи, но они были никому не интересны. Что, если бы был тогда человек, который мог бы это полистать, поправить, исправить? Может быть, все сложилось бы иначе? Но сложилось как сложилось...

***

Я никогда не загадывал, кем я стану. Вообще мне казалось, что я долго не протяну. Мало того, люди вокруг говорили, что надо прожить ярко и быстро. Как пройти через эти камни? Все мои товарищи в мире ином.

Мои братья, которые побывали в тюрьмах, с выбитыми зубами, синие от наколок, пытаются сказать своими движениями, что жизнь продолжается, хоть она вся исковеркана. Сколько ранений нанесено им нашей системой воспитания? Сколько лозунгов не дали никаких результатов?

***

Как ценно детство... Я не знаю этой цены. Потому что детство — это кувшин с живительной водой, который навсегда напавивает нас для будущей жизни. А если кувшин — с мертвой водой? Как быть тем, кто живет в казенных домах на казенных кроватях?

Я не научился радоваться жизни, хотя есть дети, есть дело. Что есть радость? Это то, что не

начинается потом. Радость начинается там, где тебя произвели на свет.

***

Я не знаю, как отследить эту красную линию человеку, который вырос в казенном гетто. Возможно, это вопрос веры, выдавливания из себя жизненных ощущений. Искусственность не рождает естество.

У меня остались старые детские фотографии: я в странном клетчатом пальто, рядом клетчатые друзья, взгляды неживые, и ты понимаешь, что ты не живешь, ты “в клетку”.

Помню, как однажды в семь лет, устав от издевательств, схватил гранитную подставку и носился за воспитателем, пытаюсь ударить. Как можно так работать с ребенком, который становится в семь лет воином, который оттачивает воинственное туше там, где должно быть счастливое детство?

Моя мать, к счастью или к несчастью, этого не знает. Может, поэтому у меня возникло желание ходить на роды жены, как заботливый отец брать ребенка, класть его к груди матери? Это реинкарнация, перевоплощение, божественная возможность догнать убежавшее корявое детство.

***

Я не могу назвать себя человеком смелым, горделиво выглядывающим из траншеи. Чаще я сидел в этой траншее. Иногда надевал несколько касок и на ощупь пытался ползти по земле. Выставив

вперед руки, которые хлестали ветки проблем, осторожно двигаясь вперед. Это не трусость. Это желание выжить.

Недавно я хоронил девочку, а незадолго до этого хоронил мальчика, которые не шли на ощупь, а шли напролом. Мальчика убили, неделю лежал в канаве, никому не нужный, но мне стыдно, что нам всем не удается удержать их в этой яркой жизни. Когда мы его хоронили, какие-то родственники стали распивать спиртное прямо на его гробу в морге...

А юная девушка с достаточно скромной внешностью выпрыгнула из окна двадцатого этажа из-за того, что юноша не ответил на ее чувства. Она оказалась никому не нужна — даже ее тело государство не отдавало несколько недель. Потому что проще похоронить ее среди неизвестных «подснежников», чем задуматься, что она тоже человек, хоть и сирота. К счастью, чиновники тоже люди — благодаря им удалось ее отпеть и похоронить как человека.

***

Не знаю, читает человек эту книгу и думает — все вокруг серое, соленое... Но ведь и в этом можно жить, как в книге «Женщина в песках», где люди, чтобы выжить в котлованах, выбирают песок. Многие выбирают этот песок — песок равнодушия, черствости и нелюбви.

В жизни встречаешь разных людей. И светлых, и других тонов. Тех, которые отзываются, тех, которые рядом, тех, которые вдохновляют.

Дружил я когда-то с женщиной Натальей, она всю жизнь положила, чтобы спасти детей в чужом государстве Канада. Ходила с драной сумкой, из которой торчали иконы, свечи, печенья. Несла свет надежды. Человек-маяк, несущий свой крест, потому что иначе она не могла.

Возможно, моя жена периодически недовольна тем, что и я куда-то ныряю, забывая надеть акваланг. Как она это терпит, не знаю.

***

Иногда я встречаю тех, кто вышел позже меня. Почти все они спились или сели в тюрьму. Что их ломает, что с ними случается? После лекции один мальчик догнал меня в коридоре. В его глазах стоял страх. Не знаю, что я такого сделал, — просто рассказал, чем жил, как живу, — и он пошел на разговор. Первое, что он сказал — его родители умерли, он не учится, постоянно ворует, играет в карты, нюхает клей и сбегает. Но чувствует в себе желание это изменить. «Как?» — спросил он меня. С другой стороны детского дома я услышал крик: «Александр, нас ждут на банкет». Я проговорил с парнем еще час и видел, как меняется его лицо. Огромный шрам поперек щеки то улыбался, то грустил. Не знаю, удалось ли мне донести что-то важное. Его взгляд стал пристальным и острым. Возможно, что-то изменилось, как когда-то моя жизнь изменилась после встреч с учительницей и Кларой Лучко. Я представляю, как я ухожу, а он смотрит на мою спину. Успел ли он

запрыгнуть на этот уходящий поезд? Очень хочется, чтобы успел.

***

Наступает время, когда не хочется заигрывать и хлопотать, а хочется расслабить все мышцы лица, почувствовать, как лоб потерял морщины, и честно сказать себе — мне что-то удалось.

Хотя до сих пор люди иногда от меня шарахаются, узнав, кто я, — видимо, считают гранулы этого засохшего соленого детства.

Проще всего идти по течению. Тяжелее идти против. Тут нужно умение верить в себя, в свои идеалы.

Когда-то я украл из телефонной будки динамик, протащил к себе кабель и по вечерам, засыпая, слушал песни Окуджавы, Высоцкого... Наверное, и это стало каким-то содержанием.

***

Глядя на лик Христа на иконе, доверяешься и понимаешь: ты не один. Это камерное одиночество дает понять, что у тебя, глядящего на икону, есть Собеседник. Кто-то.

В детстве я регулярно слышал, что неуч не может стать человеком. Но где найти время прочитать всего Достоевского или Хемингуэя, когда ты постоянно в стойке и ждешь очередного удара?

И я очень внимательно смотрел советское кино. Там было много актеров, игравших наивных строителей коммунизма. И иногда в их чертах

было то, что можно украсть, перенести, перевоплотить, перевоссоздать.

Это сложно понять, когда ты — искусственный цветок, от которого требуют, чтобы он рос. Его поливают, удобряют — и требуют продолжать расти.

Искусственное детство. Искусственные дети. Искусственные родители. Искусственное государство. Искусственная любовь. Искусственное будущее. Иногда я ощущаю себя осенним листком, который отбрасывает в дальний угол.

Но надежда есть всегда.

Отношения с Богом у меня очень тонкие. Я не могу их показать. Потому что все эти внешние движения также искусственны.

***

В церковь я ходил всегда. Стоял у входа и смотрел на священников, на иконы... У меня никогда не возникало желания выставить вперед ладошку для милостыни. Но что-то тянуло в церковь меня — необразованного, темного, иногда желающего сложить с себя полномочия живого в этом мире. Если бы вера была со мной раньше, все наверняка было бы иначе. Но желание жить по правде — это тоже Вера. Я старался.

***

Буквально недавно я встречался с одной своей знакомой. Зовут ее Галина. Она находится в трудовом рабстве у человека, который дал ей квартиру, и она ее отрабатывает. У Галины есть

и другие проблемы. У нее рак. Глядя на эту улыбочивую женщину, сошедшую с картин Маковского, не веришь, что даже у нее, не выросшей в казенном детском доме, есть то, что утомляет и ломает ее жизнь. Казалось бы, нет надежды: богатей отказывается отдать квартиру, заставляет на него работать, уволиться и уйти от него она не может.

Последняя наша встреча была особенно грустной: Гале предстояла операция.

Через некоторое время я засобирался по работе в Питер. Вместе с питерскими друзьями поехал на Смоленское кладбище к блаженной Ксении Петербургской помолиться об устройении жизни Галины.

Я про себя лепетал какие-то молитвы. Вдруг ко мне подошел косенький мальчик. Он одним глазом сфокусировался на мне и передал записку «О здравии». Я развернул скомканный листочек — на нем корявыми буквами было написано — «Галина».

Потеряв воздух, я вышел на улицу и написал Галине СМС. Через какое-то время мы встретились, и она поведала мне новость, от которой я отходил несколько дней. У нее успешно прошла операция, и, что самое удивительное — когда она без всякой надежды написала заявление с просьбой выкупить квартиру, то, как ни странно, директор, на которого она работала и который никогда никому ничего не подписывал, это заявление ей подписал. Она вырвалась из рабства. Удивительное чудо.

Для Бога возможно все. Даже невозможное.

Мне часто снится детский дом

***

Наверное, в моей жизни тоже были какие-то знаки, которых я не заметил.

Вспомнил, как однажды в подводную лодку загрузили шеститонную торпеду, но что-то пошло не так, и торпеда упала вместе с лотком. А под этим лотком сидел я. Что меня вытащило, я не знаю. На несколько мгновений, прежде чем вся эта махина рухнула, она застряла — и я выбрался. Помню бледные лица своих напарников, видимо, уже посчитавших, сколько стоят венки для меня...

Наверно, стоит посмотреть диафильм своей жизни — там будет много знаков и посланий для меня.

***

Сейчас я жалею только о трех вещах — что не знаю своего отца, не играю на фортепиано и не умею говорить на английском. Все остальное Господь даровал.

Возможно, то, о чем я жалею, сделают за меня мои дети.

Дочь окончила музыкальную школу по классу фортепиано.

Жена прекрасно говорит на английском.

Осталось отыскать отца...

Я знаю, Кого об этом спросить.

*Несколько
интервью*

«Какие развлечения, Вася?»

Мария Трубина, «Expert Online», 2015 год

фрагмент

Александр Гезалов — известный общественный деятель и один из редких примеров благополучного выпускника детского дома. Он получил два высших образования, успешно работал, собрал уйму титулов и наград и сейчас воспитывает четверых детей. Ежедневно к нему в фейсбук приходит около 50 сообщений из разных концов страны. От сирот, которых кинули с квартирой, от заключенных, от многодетных матерей — всех, кто попал в сложную жизненную ситуацию.

Считается, что Гезалов может быстро разрешить любую неразрешимую проблему. Несколько сообщений, звонков — и за сиротой в Тверскую область летят приемные родители с Урала. Ребенок с обгоревшим при пожаре лицом находит семью, заключенный получает работу, к многодетной матери начинают ходить волонтеры. Общаясь с чиновниками, с благотворителями, с прессой, Гезалов уже много лет твердит одну простую мысль, которая никак не доходит

до общества: прекратите дарить сиротам айфоны! Хватит устраивать в детских домах новогодние концерты! Вам кажется, что вы творите добро, а на самом деле вы помогаете этим только сами себе. Поэтому первый вопрос к Гезалову — как правильно помогать детям, жизненный опыт которых подчас даже близко не напоминает твой собственный?

— **Вы активно продвигаете тренд «умной помощи» сиротам. Что это значит?**

— Ну вот волонтеры приехали в детский дом и говорят детям: «Представьте, что у вас кончился воздух, а вы в подводной лодке. Как будете себя вести»? Это ж надо быть идиотом круглым, чтоб у сироты такое спросить. Им жизнь надо узнавать. Подсказывать, показывать. Игра должна быть минимальна. Спроси хотя бы: «Тебя в сортире заперли, что тогда?»

Волонтеры постоянно устраивают для них «развлекалово», вывозят в какой-нибудь Q-zag, на аттракционы, чтоб «создать настроение». Сироту сейчас можно отвезти даже на Луну, но как это будет соотноситься с тем, что он завтра выйдет из детского дома и пойдет в долбаное ПТУ?

— **Они мотивируют это тем, что детям не хватает впечатлений, хотят их порадовать...**

— Почему такая убогая логистика? Q-zag — детдом, Q-zag — детдом. Что он увидит? Как вы порадуете этим его жизнь? Как вы ее измените? Во-первых, он увидит свой жуткий разрыв с реальностью, во-вторых, почувствует себя особенным. Мои дети, например, не могут позволить себе поехать

«Какие развлечения, Вася?»

в Q-zar. Когда он выйдет, он поймет, что никакие развлечения его не ждут, и пойдет воровать. Это что, мы показываем ему в последний раз прелести жизни? Ведь это же так выглядит.

Сироте надо сказать: «Вася, долбаный Вася! Хочешь состояться в жизни? Ты знаешь, что первые пять лет тебя никто не будет замечать, ты никому не будешь нравиться, от тебя будет плохо пахнуть, у тебя будет мало одежды, не будет друзей? У тебя будет мало места в общаге, не будет мерседеса, ты не сможешь поехать в Q-zar. И ты, долбаный Вася, будешь сидеть в этом пространстве пять лет. Если ты хочешь оттуда выбраться, чтобы окончить учебное заведение, ты должен эти пять лет, собака такая, пахать! Какие праздники? Какие развлечения, Вася? Ты попадешь на зону... Вдумайся в это именно сейчас, потому что потом будет поздно». Но никто же ему этого не скажет.

- **Не каждый сможет сказать такое ребенку.**
- Детдомовцы прекрасно умеют разводить. Они сначала присматриваются, чтоб понять, можно ли получить с человека, например, айфон. А потом к нему подходят и говорят жалобным голосом: «Ой, а ты не будешь моей мамой? Мою маму убили топором». Человек пасует, размяк и все. Его можно брать тепленьким. Сироты между собой называют таких спонсоров «БМД» — «богатая московская дура» — или дурак. Потом они идут к ближайшим скупщикам и загоняют им планшеты, электронные книги, радиоуправляемые вертолеты. Но спонсоры об этом не знают,

их это не волнует. Они отдали и отдали, а то, что, по сути, они дают на алкоголь, сигареты и наркотику, это не важно. Это безответственная помощь. Каждый подарок должен ребенка к чему-то подвигать. Чтобы мальчик получил со временем КМС по футболу, подари ему мяч. Поет — подари гитару. А когда говорят: «Мне его жалко, мне нужно ему постоянно что-то дарить, потому что он сирота», какой результат? Жалость — двигатель, но жалость — это откуп. Нужна не жалость, а гражданская позиция.

Границы ребенка, его личное пространство должно оберегаться максимально этично. Если «вы» приехали, потом «он» приехал, «она» приехала, то ребенок не понимает, чего от него хотят. В нем появляется реактивное расстройство привязанности. Неумение зафиксироваться на конкретной личности. Вместо бесконечных развлечений добровольцу лучше закрепиться за одной Асей Ивановой, с ней контактировать, к ней приезжать, вывести ее из этого пике, помочь с образованием, возможно, даже выдать замуж.

Я пришел недавно в детский дом, все дети чего-то делают, а одна сидит. «А я, говорит, красивая. У меня спонсор, который мне сережки подарил, кулончик». Она вышла и в первый же год родила. Потому что появился какой-то беззубый зек, который смотрел на нее не как спонсор. Красивые девочки-сироты страдают больше всех. Они заметны и беззащитны. Их хватают, они рожают первыми.

- Существует гостевой режим, некоторые добровольцы забирают детей домой.
- Опять же, нужно понимать, для чего, и что приобретет ребенок, вернувшись. Важно понять психологические трудности ребенка. Иногда ему просто нужно посидеть в тишине, совсем не обязательно тащить его на развлечения и занимать ими весь его день. Ребенок, воспитанный в детдоме, не умеет жить один. А человек, который не умеет быть в одиночестве, в будущем не способен любить.

Иллюзии, которые возникают у детей, нужно сбивать. Приехали на дачу, давай вместе покопаем, посадим картошку, посмотри, как это делается. Или ситуация: деревня, магазина нет, а есть только те продукты, которые мы привезли. Давай думать, как нам их распределить и выжить. Нужно жизнь показывать, а не заигрывать. Ребенок должен учиться бороться с собой. Волонтеры должны быть такие, чтобы ребенок мог подойти и сказать: «Я лентяй, что мне делать? Я агрессивен, я могу врезать. Как быть?» Вот на эти вопросы должен уметь отвечать наставник.

Очень важно вложить ребенку понимание, что детский дом — это не проклятие, а его ресурс. Его мотивация. И лучше жить так, чем быть сытым, равнодушным изгоем, у которого, как кажется, все есть. Детский дом может научить многому. И человечности в том числе. Да, я из детского дома, но я ни от кого ничего не требую, я все могу сам. Я сам могу подрасти и состояться. Да, я из

детского дома, но мы с вами еще поговорим, кто из нас кто в этой жизни.

В Европе добровольца допускают до работы с ребенком только через 500 часов тренингов. Не со всеми, а именно, с конкретным ребенком. Причем кому-то может быть отказано вообще. Из 1000 добровольцев выбирают 200-300 человек. И я считаю, это правильно.

- **Получается ли собирать деньги на «умную мощь»?**
- Очень мало. Мало людей, которым эта концепция интересна, много тех, кому интересны подарки. Я сейчас сделаю объявление в фейсбуке, и меня завалят ими с ног до головы. Люди так откупаются. У нас в обществе люди часто не знают, что подарки детдомовцам вредят. Доказать, что выпускникам плохо, очень трудно. Недавно мне американцы говорят: «Скажите, что конкретно у них плохо? Назовите нам конкретную деталь плохости». Я ответил, что хорошее питание — это тоже плохо. Потому что ты постоянно обеспечен, у тебя все нормально, а потом ты выходишь и готовить оказывается некому, и покупать все нужно самому. А ты не готов. Но доказывать это какому-то спонсору на дирижабле у меня нет ни желания, ни сил, ни времени. У него это понимание появится не сразу, а может, и вообще не появится. Он должен почитать, посмотреть видео, вникнуть, а многие этого не хотят. Говорю спонсору: «Нужно там-то открыть учебный класс». Но у человека нет понимания, что в противном случае маргинальные подростки выйдут и его же

«Какие развлечения, Вася?»

ребенка где-нибудь убьют. А так они вышли с образованием, пошли в вечернюю школу. Правильная траектория, поддержка с нашей стороны — и в итоге они не такие агрессивные.

— **Вы выпускник детского дома, и он же стал вашей профессией. Этот опыт до сих пор не отпускает вас?**

— Прежде чем прийти в благотворительность, я попробовал себя в разных сферах. По сути говоря, за короткий период я сделал карьеру. Поработал сторожем, охранником, дошел до должности начальника отдела в крупной компании. Я уже получал приглашения переехать из Петрозаводска в Москву или Санкт-Петербург, можно было развиваться дальше. Но в какой-то момент я понял, что получение благ и достижение статусов — не главное. Я решил, что не обязательно идти вверх по карьерной лестнице, звеня золотыми запонками. Я попробовал определить для себя другой маршрут, хотя не имел четко смоделированной мысли, к чему это приведет. Это были 90-е, никакой социальной политики тогда не было. Это было или призвание, или Господь подтолкнул, сказал: «Пойди, а там разберешься»... Не знаю. Но я этот шаг сделал. Я все отложил: зарплаты, статусы, предложения переехать, отказался от внешней успешности и ушел в «чистое поле». Меня многие не поняли, говорили: «Сань, ты че, дурак?»

Я оценил весь имеющийся у меня социальный капитал. Во-первых, у меня было качественное социальное детдомовское прошлое, которому

нельзя сказать: «Откуда вы это взяли, почему вы об этом говорите? Пошел вон». Это раз. Второе: я закончил театральное училище, потом долго работал в маркетинге. То есть, по сути говоря, весь спектр необходимых навыков и компетенций на первое время я имел. Это ораторство, это умение сделать проект, договориться, простроить проектную политику и так далее.

Когда я начал сталкиваться с характерами, судьбами, стал все больше погружаться в вопросы системы, мне пришлось вернуться к тому мучительному мычанию, с которым я выходил из стен детского дома. Я понимал, что, например, в бизнесе есть вещи, которые можно изменить достаточно легко — вот ваша прибыль, вот моя — делим. А когда ты приходишь с улицы к чиновнику и говоришь: «Давайте изменим ситуацию», здесь требуется нечто другое. Другой переговорный процесс. Настойчивость, точность, статистика. Искренность в обращении, мягкость, мелодичность голоса. Здесь нет прибыли ни у него, ни у меня. Единственная прибыль у детей, но ему это надо еще доказать.

Чтобы заниматься чисто общественной работой, нужно иметь ресурсы для выживания и нужно заработать имя, я это понимал. У меня было очень много черновой, пересекающейся работы. Я вернулся обратно на дно и стал работать сторожем. Ночью сторожил или кочегарил, а утром шел куда-то по делам. Если раньше я мог позволить себе питаться в ресторане, то тогда пришлось переходить на приходскую столовую.

— **Из чего сегодня состоит ваша деятельность?**

— Сейчас я городской сумасшедший, который ездит по городу и обладает технологией решения трудностей, но сам ресурсами не обладает. Для того, чтобы ими обладать, нужно куда-то сесть, занять должность и оттуда тянуть, но я думаю, что это неэффективно. У меня до сих пор нет в Москве офиса. Я сам ходячий офис. С одной стороны, я гончая собака, для которой семь верст не крюк, а с другой, если где-то сядешь и будешь получать зарплату, то, возможно уже и все. Ты приколочен к стулу.

— **Как вы зарабатываете на жизнь?**

— Когда я чувствую, что у меня не хватает ресурсов, я перестраиваюсь. У меня четверо детей и жена, мне надо кормить семью. Приходится находить запрос государства, искать болевую точку и предлагать им за деньги модель взаимодействия. Это семинары от Общественной палаты, книжки комиксов для детей-сирот. Я издаю книги, выпускаю и продвигаю фильмы, которые помогают решать проблемы этого круга.

Есть этический кодекс, и я понимаю, что если я возьму 10 процентов за свою работу, я возьму 10 процентов «у них». А мне нужно, чтобы «у них» поставили, например, забор. Если появится схема, при которой я каждый раз беру, я привыкну к этому и у клиентов возникнут подозрения. Зачем мне это? Сотовый телефон мне оплачивают друзья. Ноутбук Apple мне также подарил друг, руководитель крупной компании. У меня хороший портфель. Тоже подаренный. На этом

я сэкономил. Могу оставить эти деньги для семьи. Иногда эсэмэска прилетит: «Александр, спасибо вам за вашу работу, я положила вам на счет 10 000 рублей».

- И сколько там сейчас?
- На данный момент у меня баланс на карте 2150 рублей. И мне придется очень сильно напрячься. Если говорить о людях, которые вокруг, их никогда много не было и сейчас нет. Я даже где-то рад. Потому что тебя могут понести, понести на руках, да и сбросить со второго этажа.
- **Есть ли какая-то статистика, кому удалось помочь, что из этого вышло?**
- Кто интересуется КПД, я всем рассказываю историю. Жила-была бабка на окраине одной деревни, и к ней направляли женщин, которые решили сделать аборт. Она брала петушка на палочке, обмазывала им живот пришедшей и говорила: «Сейчас из тебя ребеночка уведу, уведу». Типа заговаривала. Когда она умерла, к ней на могилу приехало огромное количество людей, которые воткнули там петушков на палочке. Потому что женщины от нее уходили и рожали детей. Вот так она правильно с ними разговаривала. Как социальный работник, как миссионер. Она говорила о грехе, о смертности, об ответственности, о материнстве, о милосердии. Для меня настоящим результатом будет, если на моей могилке будет появляться тоже что-то типа таких петушков. А статистика, это дело такое... Я вижу многих детей, с которыми работал, они все живы,

«Сироте жалость нужна в последнюю очередь»

я общаюсь с ними в социальных сетях. Не всегда факт помощи очевиден.

— **Не возникает ли чувства, что то, что вы делаете, очень малая часть, капля в море?**

— Не надо думать о том, капля это или нет. Не надо думать, что ты один ничего не можешь. Можешь. Жанна Д'Арк смогла — сгорела. Ксения Петербургская смогла. Даже Крупская смогла. Мария Скопцова, которая зашла в камеру вместо другой женщины, смогла. Януш Корчак, Иоанн Кронштадский, они стали явными проводниками и показателями того, что человек может многое, если он этого захочет. Мы, конечно, не все святые, но к этому надо стремиться. Надо начать делать, и тогда к тебе потянутся. Люди тянутся к делу. «К творящему миротворящие придут».

**«Сироте жалость нужна
в последнюю очередь»**

Дарина Шевченко, «Московские новости»,
2012 год

«Не разрешайте себя слишком много гладить по голове, а то волосы выпадут, и держитесь подальше от волонтеров с жалостливыми глазами», — так говорит выпускникам детского дома Александр Гезалов. В прошлом воспитанник детского дома, сейчас он один из самых известных экспертов по социальному сиротству. В интервью «МН» Гезалов рассказал, почему он против

визитов добровольцев в сиротские учреждения, в чем преимущества сирот перед «домашними» детьми и что будет, если в интернатах одновременно на день выключить все телевизоры. Плазменные, конечно.

— **Сироты отличаются от детей, воспитанных дома? Есть ли у них преимущества, как они могут их использовать?**

— Сироты очень наблюдательны. Быстро составляют психологический портрет человека. Умеют подобрать к нему «ключ». Вот я, например, смотрю на вас и понимаю, что с вас можно взять в свою пользу. Это могло бы быть их преимуществом. Но, к сожалению, другие качества, которые они приобретают в детском доме, нивелируют эту повышенную чуткость к другому человеку. Конфликтность, обидчивость и категоричность, которые свойственны людям, выросшим в интернате, не те свойства, которые помогают выживать и добиваться успеха.

— **Вы сами доказательство обратного. 16 лет жили в детском доме, сейчас у вас интересная работа, дом, семья, трое детей.**

— Меня там много били, и я начал правильно задавать себе вопросы: «почему, например, мне предлагают влезть в форточку незнакомого дома?» или «любит ли меня государство, есть хоть кто-то, кто сможет обо мне позаботиться? Может, это я сам?». Еще очень много читал. Любил литературу. Самое большое влияние на меня оказали люди, которые не имели никакого отношения к детскому дому. Помню, как в детском доме снимал

комнату художник. Он со мной не общался, но я видел, что это человек из совсем другого мира. Были другие люди, которые общались со мной вне субкультуры детского дома. Это очень важно — иметь возможность видеть и слышать людей вне этой системы. Для этого общество должно быть заинтересовано в адаптации сирот. Не отдельные организаци, а все мы.

— **Сейчас такая возможность у детей из детских домов есть. Постоянно к ним приезжают добровольцы, общаются, организуют праздники.**

— Взаимодействие общества с детьми из детского дома носит хаотичный характер. Прибежали волонтеры в футболках, раздали балалайки, убежали. Прибежали другие, целовали, плакали, опять убежали. Ненормально и вредно для детей. Вот, представьте, у меня трое детей. Жена, я и мои дети идем гулять. Тут начинается невообразимое: вдруг на место меня приходит другой мужчина и катит коляску, потом и тот исчезает и коляской управляет новый, мама то одна, то другая женщина, то третья. Абсурд.

Еще появилось это корпоративное волонтерство, когда сотрудники коммерческой организации приезжают в детские дома, чтобы решать свои профессиональные задачи. Мол, у нас плохо с командообразованием, потопали в детский дом. Потом они пишут на форумах восторженные комментарии: «Ах, какие эти дети радостные и меняющиеся, какая я радостная и меняющаяся». Ребенку не нужны такие прибегающие. Ему

необходим значимый взрослый, с которым можно установить длительные, ответственные и доверительные отношения. Многие волонтеры не задумываются о том, как правильно выстраивать отношения с сиротой. Они получают удовольствие от того, что сами такие хорошие, потратили время, пожалели бедняжку. «Поехали в детдом за новыми эмоциями!» — так они часто пишут на своих форумах. Или, например, видел недавно призыв в интернете от таких вот добровольцев: «Соберем ненужные вещи для сирот». Ненужные вещи для ненужных бедных детей — так?

Сироте жалость нужна в последнюю очередь. Я не против корпоративного волонтерства, но надо его грамотно организовывать. Пусть офисные сотрудники забор красят в детдоме или сайты разрабатывают. К детям нужно пускать только людей, которые обязуются регулярно приходить в это место в течение 10-20 лет. Только в таком случае ребенку из детского дома будет польза от подобного общения. Только в таком случае взрослый сможет стать для него носителем важной информации. Потому что только тот человек, с которым ребенок общается постоянно, вызывает у него доверие.

- **Сейчас очень много говорят об адаптации детей-сирот. Стали проводить специальные тренинги для выпускников. Что вы об этом думаете?**
- Пока нет общественной и государственной системы — все эти меры малоэффективны. Главная задача — просвещение тех специалистов, которые

работают с детьми в детском доме и взаимодействуют с ними после выпуска. Очень важно повышать их личностный и профессиональный уровень. Что может ребенку дать воспитательница детского дома без высшего образования, которая не умеет пользоваться интернетом, неграмотна в юридических и психологических вопросах? Необходимо делать из персонала интернатов профессиональных, образованных менеджеров. Это очень сложно. Во-первых, надо менять отношение сотрудников детского дома к своей работе. Во-вторых, на это нужны деньги. Очень сложно убедить благотворителей выделить средства на образование персонала, а не на покупку игрушек и телевизоров, чтобы они даже в туалете смотрели «Битву экстрасенсов».

— **Вы, по-моему, преувеличиваете насчет телевизоров.**

— Сейчас телевизор — это один из главных инструментов воспитания в детских домах. Если на один день в качестве эксперимента убрать все телевизоры из учреждений для сирот, начнется разброд и шатание.

В-третьих, нужно менять отношение к сиротам со стороны всего общества, чтобы воздух вокруг них стал иной. Люди сирот жалеют и пытаются организовать для них в стенах детского дома рай: подарки, игрушки, поездки за границу. Но почти ничего не делается для того, чтобы дать этим детям навыки, необходимые для выживания во взрослом мире. Учителя в школе ставят сироте из жалости тройки, хотя знаний у него

на кол с минусом. Спонсоры и сотрудники различных благотворительных организаций глядят сирот по головке и развлекают, как могут. Получается, что в детском доме они живут как в иллюзорной реальности. Иногда до 25 лет.

— **До 25?!**

— Директора и воспитатели своих выпускников любят и жалеют, готовы предоставлять им еду и спальное место чуть ли не до старости. Но рано или поздно это заканчивается. Выпускник детдома, весь расслабленный, оказывается в жестком взрослом мире, где все очень в тонусе. А он как инопланетянин. Мне один из детдомовских мальчиков рассказывает, что каждое лето проводит в Италии и уже выучил итальянский. Зачем ему итальянский? Он мусор на помойку вынести не сможет, с комендантом в общежитии правильные отношения выстроить не сумеет, резюме составить не в состоянии!

Понимаете, детдом — это особая субкультура. Там даже юмор другой, иной стиль коммуникаций между людьми. Бывший детдомовец во взрослом мире не знает, как себя вести правильно. Например, как выразить свое недовольство (часто в детдоме его проявляют коллективным бойкотом). Они нередко в общении с «домашними» сверстниками «включают сироту», манипулируют, что во взрослом мире тоже не всегда работает. Они совершенно неконкурентоспособны по сравнению с молодыми людьми, выросшими дома. Нужно выводить ребенка из этой

субкультуры, организовывать общение с «домашними» детьми.

Мне недавно с гордостью сотрудники одной организации говорят: мы провели лидерский тренинг для сирот. Естественно, в нем принимали участие только сироты. Спрашиваю, зачем? Ведь самый нелидерский «домашний» ребенок заткнет за пояс самого лидерского детдомовца, а именно с ними сироте придется конкурировать в большом мире. У нас нет государственной задачи: вырастить из сироты активного, мобильного, мотивированного на успех и развитие, образованного человека. Дети из детских домов выходят с гедонистическим настроением. Поэтому они неуспешны в работе и редко создают хорошие семьи. В семье надо трудиться и быть готовым отдавать.

- **Вы сами не планируете взять в свою семью сироту?**
- Часто говорят: «Представляешь, как красиво — детдомовец взял детдомовца!» Не хочу, чтобы красиво. Реально оцениваю свои возможности. Все время в командировках. Не могу эту ответственность взвалить на жену, при отсутствии какой бы то ни было помощи семье со стороны государства. У нас нет системы сохранения семьи. В Финляндии если соседи заметили, что в семье начались проблемы, например, папа стал выпивать, они звонят в специальную службу. Приходят специалисты. Не для того, чтобы быстро изъять детей и наказать родителей. Специалисты предлагают помощь. Семьи это знают и не боятся их

впускать. Если у родителей проблемы с работой — помогают ее найти или повысить квалификацию, ухудшились отношения между мамой и папой — предложат услуги психологов. Работают по запросу семьи. Делают все, чтобы мама, папа и дети остались вместе. В России семье в сложной ситуации обратиться не к кому. Никому ни до кого нет дела, особенно государству.

Сейчас в деревнях и маленьких городах стало модно разводиться фиктивно, потому что женщине с детьми выгоднее иметь статус матери-одиночки — выплат больше. Выкручиваются, как могут. Если не могут — родители идут на дно, а дети — в детдом. Семье не нужны денежные подачки, ей необходимо пространство, в котором она сможет жить и развиваться. Пусть общество задумается об этом. В настоящий момент все усилия волонтеров и организаций, которые занимаются проблемами сирот, направлены на детские дома. Пусть лучше предложат семьям, которые в трудной жизненной ситуации, свою помощь.

Восторженные добровольцы в футболках, отправляйтесь в многодетную семью или к молодой маме-одиночке! Там для вас найдется немало работы: посидеть с малышом, пока родители на работе, забрать ребенка из школы. Очень много дел. Работу с семьей нужно продолжать, даже если ребенок уже в интернате. Очень важно поддерживать связь с родителями, даже если они лишены родительских прав. Исходя из своего очень большого опыта общения с детьми из детдомов, могу сказать — 40% из них можно вернуть

Анна Бородина, жена Александра Гезалова

родителям, если приложить усилия. Помочь не-
много этим родителям или другим родственни-
кам. Почти никто этим не занимается. В идеале
детский дом должен быть центром временного
проживания сироты, пока ему не нашли прием-
ную семью или не смогли вернуть его биологиче-
ским родственникам. Чем дольше ребенок живет
в сиротском учреждении, тем труднее ему будет
адаптироваться к семейной жизни, которая не-
редко с бытовой точки зрения не так comfort-
на. Недавно девочка рассказывала, что убежала
от приемных родителей, потому что ей за неде-
лю не подарили ни одного подарка. Очень многие
выпускники детдомов говорят, что хотят, чтобы
их дети воспитывались в детском доме. Получа-
ется замкнутый круг. Система, которая сама себя
воспроизводит.

Анна Бородина, жена Александра Гезалова
Фрагмент статьи «Выжить с тремя
погодками — нереально?»

Оксана Головки, «Православие и мир», 2014 год

*Анна Бородина, выпускница ГУ-ВШЭ, преподава-
тель экономики, английского языка в МосГУ, ИМЦ.*

***

Познакомились мы с мужем на границе Каре-
лии и Архангельской области в селе Колодозеро,
у отца Аркадия Шлыкова. Я, недавно окончившая

институт, отправилась туда с друзьями-однокурсниками, чтобы показать им красоты русского Севера. Были рождественские дни, и нам сказали, что обязательно нужно пойти к отцу Аркадию, побывать на рождественской службе.

Надо сказать, что обстановка в селе Колодозеро — особенная, замечательная. Тогда собралось много людей с детьми — кровными, приемными, перед службой все играли в футбол при свете фар машин, потому что вокруг — темнота, ни фонаря. Игроки по очереди бегали на исповедь.

Потом был хоккей на озере, для игры специально расчистили лед от снега. Помню, как увлеченно играл Саша с детьми, как весело дурачился вместе с ними. Сразу после службы Саша запустил в темное колодозерское небо салют.

Впечатлил, запомнился момент, когда после службы все собрались за праздничным столом, и вместо привычных и надоевших разговоров про политику зазвучал красивый мужской хор. Пел сам батюшка, его друг, впоследствии погибший, пели другие мужчины, сидевшие за столом, в том числе Саша. Пели красиво, вдохновенно. Там собрались те, кто не разговором, а делом менял жизнь конкретных людей к лучшему.

Летом с друзьями мы собрались на байдарках по Карелии, и я еще раз оказалась в Петрозаводске, где у меня не было никаких знакомых, кроме Саши. Я ему позвонила и в ответ услышала: «Анечка? А какая конкретно?» Но все-таки он меня вспомнил из множества знакомых «Анечек». Начали общаться, а потом события стали

так быстро разворачиваться, что вскоре мы поженились.

С самого первого разговора с Сашей я как-то поняла, что это близкий мне человек. До этого общалась с людьми и думала: вот это хороший человек, но мы с ним из разных миров, я могу с ним общаться, но это не «мой» человек.

А тут почувствовала, что это, в общем-то, близкий мне по духу человек. Он рассуждал, как я, думал, как я...

***

В первое время семейной жизни мы нередко ссорились — переживали период «притирок». Порой мужу приходилось проявлять чудеса мудрости. У меня, молодой девушки, были определенные теоретические представления, «как должно быть, как не должно быть». И потому я регулярно предъявляла Александру претензии из серии «а вот здесь я себе все представляла иначе».

Он мудро не реагировал на это и правильно делал. Потому что однажды я поняла, что все эти мои представления — неважны, главное — доверять человеку, а уж если какие-то его привычки тебе не по душе, на это можно не обращать внимания.

Потом мы перестали ссориться, до тех пор, пока у нас не появился первый ребенок. Саша приходил вечером, мне хотелось наконец отдохнуть от забот о Федоре, а он сразу садился за ноутбук, у него работа. И сейчас иногда возникают разногласия. Когда накапливается усталость, тут

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

Подпись
к фотографии

недолго и до ссоры: он чего-то не сделал, я не сделала, я устала, «не трогай меня». В общем, одно за другое цепляется...

Но на самом деле эти конфликты — мелкие, не оставляющие следа и не касающиеся главного.

Первым обычно мирится Саша, старается свести разногласье на нет. Он может быстро вспыхнуть, но быстрее успокаивается, подходит: «Пойдем, попьем чай».

Мне кажется, мы вместе строим отношения, учимся быть снисходительнее друг к другу. Помню, как один приятель говорил Александру, что никогда не женится, потому что женщины потом, после свадьбы, ведут себя по-другому. На что Саша ответил: «Нужно жениться на женщине-друге, она не изменится». И для меня Саша не просто муж, но еще и самый близкий друг.

***

Муж был на всех моих родах. Откладывал все свои дела и ехал ко мне. Правда, во время первых родов, еще в Петрозаводске, было смешно. Я звоню: «Саша, началось, приезжай!» А он отвечает: «Погоди, не рожай, мне подопечных бомжей покормить нужно». Объяснила, что ждать — уже никак.

Присутствие мужа меня очень поддерживало. Сначала он меня пытался развеселить, рассказывал анекдоты, потом, когда я была не в состоянии ничего слушать, читал акафисты. Во время вторых родов приводил в чувство, когда я «уплывала» от лекарств, которые мне вкололи. Мысль, что рядом родной человек и он меня не оставит,

очень утешала и придавала сил. Так что я очень благодарна Саше за это.

Боязни, что во время родов муж увидит меня «некрасивой», не было совсем. И дома я не всегда хожу «при параде», он видит меня и уставшей, и больной. И мне в голову не приходит, что это его испугает. Все-таки нас связывает нечто более глубокое и серьезное.

***

Бюджет мы как-то особенно не планируем, если речь не о крупных покупках. А так я просто спрашиваю: «Саша, у нас в этом месяце будут деньги на няню?» И рассчитываю, сколько часов няни мы сможем оплатить. А в остальном — Александр нормально зарабатывает за счет семинаров, так что высчитывать ничего особенно не приходится.

***

Сейчас побыть с мужем вдвоем нам удастся нечасто. Груня требует, чтобы папа укладывал ее спать, на ручки просится только к нему, Федя утверждает, что спать будет только с папой и по делам пойдет тоже только с ним. Папа, конечно, отказать детям не может.

Пытаюсь с этим бороться, отправляю детей спать одних. Мне очень дорого время, когда мы можем посидеть вдвоем и просто поговорить. Пойти куда-нибудь просто вдвоем — сложно. Здесь нужно, чтобы сошлось многое — дети были бы с бабушкой или няней, у Саши не было бы встреч, семинаров, переговоров... Я попросила

все это отменить в мой день рождения, и мы пошли гулять по Москве! Это было замечательно...

***

Вечер, когда дети уже легли в кровати, и если еще не спят, то, по крайней мере, тихо играют, а не стоят на ушах, — мое любимое время. Саша работает за ноутбуком, я тоже чем-то занимаюсь. Дома — тихая уютная атмосфера, и ты чувствуешь, что мы впятером — семья — единое целое. И как-то отчетливо понимаешь, что такое счастье.

Об авторе

Александр Самедович Гезалов родился в 1968 году в поселке Тума Рязанской области. Воспитанник детского дома. Из тринадцати выпускников его года в живых остался он один. Сегодня Александр Гезалов — публицист, общественный деятель, международный эксперт по социальному сиротству стран СНГ, эксперт Департамента социальной защиты населения города Москвы, соавтор документального фильма «Блеф, или с Новым годом», автор книг «Соленое детство», «Просто о сложном» и других, инициатор многочисленных социальных проектов. Женат, отец четверых детей.

